

**НИКОЛАЙ
ТРИБАЧЕВ**

ОРБИТА ВЕКА

НИКОЛАЙ
ГРИБАЧЕВ

ОРБИТА ВЕКА

Тублицы и стика

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1961

«Орбита века» — новая актуальная книга талантливого советского писателя, поэта, публициста, лауреата Ленинской премии Николая Грибачева. В страстных и острых публицистических статьях, составляющих книгу, освещаются знаменательные события современной международной жизни, победы социализма в соревновании с капитализмом. В книге рисуется величественная картина поразительных достижений творческого труда нашего народа, нашей науки, рассказывается о том потрясающем впечатлении, которое произвели на весь мир полеты советских людей в космос.

«Орбита века» — яркое выступление одного из лучших советских писателей-публицистов, полное глубоких раздумий о нашей современности, о грандиозных перспективах, которые открывает перед нами проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза.

ПРОРОКИ И ПРОРОЧЕСТВА

Предвидящий опирается на факты, на точное знание и, горька она или отрадна, ищет объективную истину. Так задолго была предсказана русская революция, ее испытания в труде и в бою, ее победа, ее влияние на мировые дела. Гадатель боится фактов, чужд знанию, он фантазирует, прикрывая свое невежество ссылками на свидетельства карточных королей и дам, линий руки, звезд, которые для него всего лишь «божьи свечки». Пророки, особенно буржуазные и особенно в сфере политики, предпочитают обходиться без знаний, без фактов и даже без декораций и помпезных атрибутов — они просто выдают чаемое за сущее, свои собственные желания за предназначения бытия. Сущность их пророчеств лучше всего передается поговоркой: «Голодной курице просо снится». Но именно таких пророков, согласно неписаному и все же издревле существующему закону, мажут дегтем и вываливают в куриных перьях. И тогда они окончательно превращаются в то, чем являются по сути, — в ого-

родные сооружения, которые производят моральное воздействие только на ворон.

Именно таких пророков во всей полноте окончательного оформления немало можно видеть среди людей, делавших и делающих западную политику и прессу. Десятилетиями вещали и обещали они Советскому Союзу близость неизбежного небытия и десятилетиями собирали на себя деготь и перья.

Будем объективны и по-человечески снисходительны — социалистическая революция, вступившая с выстрелом «Авроры» в фазу государственного воплощения, начиналась в тягчайших условиях незаключенной мировой войны, экономической разрухи, европейского политического кризиса. В силу одного этого ее истинное значение было просто не по зубам буржуазному мышлению — кто же рассчитывает на урожай ананасов с чертополоха! В революцию мог верить американец Джон Рид, — он сам вращался в бурях ее, — но что мог понять в ней какой-нибудь политический бизнесмен, считавший фундаментом мира библию и уоллстритовский банк? Проявлением разума с его стороны было бы молчание и наблюдение.

Но они не хотели молчать. Они хотели вещать. И посему лезли в деготь и перья.

Послушаем их голоса из прошлого.

1917 год. Американский посол в России Фрэнсис: «Я откладывал советовать союзникам начать интервенцию... надеясь, что русский народ проснется от летаргии и сам обратится к союзникам с просьбой об этом». Английский посол Джордж Бьюкенен: «Уверяют, что царствование большевиков приходит

к концу, что они не осмелятся распустить Учредительное собрание». Американский сенатор Поиндекстер: «Россия является просто географическим понятием, и ничем больше она никогда не будет. Ее сила сплочения, организации и восстановления ушла навсегда. Нация не существует...» Нельзя без смеха читать и следующие строки из французской буржуазной газеты «Матэн»: «Было бы удивительно, если бы переворот, который только что произошел в Петрограде, окончательно изменил судьбу России. Более вероятно, что за этим кризисом последует мощная реакция и через несколько дней Ленин и его друзья будут посажены в тюрьму».

Надо ли говорить много о том, что произошло? Не дождался американский посол Фрэнсис приглашения на интервенцию, а попытка действовать без приглашения кончилась синяками и отпечатком красноармейского башмака на ягодицах американской спеси. Не увидел — во всяком случае наяву — конца «большевистского царства» английский посол Бьюкенен. С треском провалился сенатор Поиндекстер с его редким по надменности и тупоумию карканьем. Оскандалилась и «Матэн». Но, между прочим, правофланговым среди этих пророков в перьях оказалась по тем временам — да и впоследствии не единожды — газета «Нью-Йорк таймс», которая с 1917 по 1920 год девяносто один раз (!) сообщила о свершившемся или близком падении советской власти, опубликовала шесть сообщений о взятии Петрограда, три сообщения о готовящейся сдаче Москвы и два сообщения о ее сожжении.

Шли годы. Советская власть пребывала в добром здравии, а пророки и пророчества сменились. Британский премьер Ллойд Джордж объявил: «Они не смогут пустить в ход фабрики, потому что не знают, как обращаться с ними». Очевидно, сей высокопоставленный англичанин предполагал, что на фабриках у нас работали сами капиталисты, а рабочие только считали прибыли и о машинах представления не имели! И, наконец, снова вступила на скользкий путь американская пресса, которая устами своего жреца Дюранти возвестила: «Большинство иностранных наблюдателей и деловых людей было убеждено в том, что большевистский эксперимент не может долго продержаться и «нэп» является началом его конца». Вослед бедному Дюранти, хлебнувшему не из той бутылки, устремилась французская газета «Информасьон»: «Все сегодня согласны относительно близости конца советского режима. Возможно спорить только о датах и деталях». И спорили. И не только в «Информасьон» — пророчества советского краха носились под парусами буржуазных газет по всему миру. Они спорили, а мы строили! И уж если еще разок возвращаться к «Информасьон», то можно заметить, что она не прозрела не только чужой, но и отечественной судьбы: Советский Союз стал одним из двух величайших государств мира, без его участия и влияния не свершается ни одно событие, а Франция политически опустилась настолько, что вынуждена принимать на своей земле вчерашних оккупантов. Таково историческое возмездие за буржуазную спесь и слепоту.

И еще немного «пророчеств».

Годы строительства. О нас пишут и пишут. «Нью-Йорк таймс»: «Пятилетний промышленный план... не является в действительности планом. Это — спекуляция». Американский журнал «Каррент истории»: «Обозрение нынешнего положения дел в России, таким образом, ведет к заключению, что пятилетняя программа провалилась». Вторая мировая война. Гитлер — генералу Гальдеру: «Пять месяцев на операцию против России». Американский конгрессмен Мартин Дайс: «Через месяц Гитлер завладеет Россией». Газета «Нью-Йорк пост»: «Чтобы спасти красных от предстоящего им в самом близком времени разгрома, необходимо чудо, подобное библейским чудесам». После войны. Снова пишут и пишут о нас. И говорят. Элсуорт Рэймонд, бывший консультант Пентагона по русским делам: «Советский Союз наиболее отстал в тех отраслях промышленности, которые больше всего нужны для производства атомных бомб». «Ньюс уик»: «Советский Союз вряд ли догонит Америку, по крайней мере, при жизни нынешнего поколения».

И финал. Американское правительство тщательно прячет результаты опроса в буржуазных, даже союзных Америке странах — прячет потому, что большинство людей в этих странах, в том числе и солидных буржуазных деятелей, считает, что Советский Союз превосходит Америку по энергии роста и действия, по темпам развития, что будущее за ним, за Советским Союзом, а не за США. Это же ощущалось и на сессии ООН — в главной

цитадели капитализма Нью-Йорке! — куда социалистический мир во главе с Н. С. Хрущевым, как писали американские газеты, осуществил «ураганное вторжение», срывая маски с американского и уже с ним лицемерия, очищая международную атмосферу от лжи, преступных колонизаторских интриг, предвосхищая будущее, в котором ключевую роль будут играть новые идеи и новые силы. Мы вошли в пору бурного расцвета, а капиталистический мир, пророки которого каркали нам погибель, вступил в полосу сумерек, заката, ночи. И это не пророчество, не предположение, даже не предвидение — это уже факт, явь, реальность.

А к чему вспоминать несбывшиеся пророчества? Полезно. Полезно для нас — чтобы еще раз убедиться в полной исторической жизненности и обоснованности нашего дела, его победоносной перспективности, наконец, чтобы еще раз во всей полноте осознать интеллектуальную нищету и беспомощность буржуазных пророков. Полезно и для американцев и тех, кто с ними, чтобы понять истинную цену политических реляций Эйзенхауэра и Рокфеллера, Никсона и Кеннеди. У старой песни, которую они сбивчиво тянут сегодня, будет тот же конец — так гласит логика истории.

Сорок три года победоносно развивалась и ширилась наша революция, и ее не остановили ни воронье карканье, ни интервенция, ни блокада, ни угрозы, ни чудовищные заговоры капиталистических государств. И не остановят.

Мы вышли на великий простор коммунистического созидания. На великий простор!

РЕВОЛЮЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Довелось мне разговаривать с одним молодым человеком недурного здоровья и здорового ума, неплохо оснащенного знаниями в пределах возраста. Был он, этот молодой человек, устроен состоянием и перспективами бытия своего, но при том откровенно сожалел о миновавшем времени, когда, по его мнению, могла молниеносно отращивать крылья блистательная героиня и личная слава: «Вам выпало все — революция, война. Опасно это, я понимаю, зато дух захватывает. А нам этого не досталось»... Иногда у нас, не долго думая, не учитывая своеобразного подхода молодых, чересчур уж прямолинейно уравнивают и подвиг в революции, в бою, и повседневный труд, исходя из той предпосылки, что и то и другое действительно двигало революцию, что и то и другое при высокой осознанности цели и напряжении всех сил придает человеческому деянию захватывающую дух красоту. Это хорошо и без пояснений понимает тот, кто

много пожил, поработал, повоевал к тому ж — есть материал для сравнений. У молодежи такого материала кот наплакал, и я, по недостатку времени, не стал длинно переубеждать моего собеседника, но сам вспомнил фразу, сказанную мне: «Да, вот и стала на прикол «Аврора»... А революция на прикол не становится, она идет на всех парах в человеческий океан со всеми его бурями и озарениями»...

Да, идет.

И мы настолько привыкли к победоносности и неустрашимости этого хода, что даже эпохальные события, любого из которых хватило бы для многовековой славы иного народа, начинают нам казаться обычными, будничными, само собой разумеющимися. Мы в известной степени разучились удивляться, изумляться делам рук своих — не потому, что нам изменила острота духовного зрения, а потому, что это духовное зрение повседневно вжилось в стремительный темп и гигантские масштабы нашего революционного творчества.

Зато воистину знаменательные метаморфозы происходят в стане противников наших — они, не столь давно пытавшиеся высокомерно, что называется, через верхнюю губу поплевывать в сторону наших замыслов и достижений, вдруг начали панически повизгивать по поводу наших успехов, с завистью вздыхать вслед нашим спутникам и лунникам, с оторопью смотреть на наше искусство, призывать своих боссов, — хотя и останутся призывы сии гласом вопиющего в пустыне, — догонять нас в области просвещения. Не переубу-

ботинок, они ходят по своим собственным пророчествам о самопожертвовании нашей революции. Теперь они проглатывают, как цирковой фокусник шпаги, собственные угрозы в наш адрес, — а было их неисчислимо, — и уж куда как поскромнее, сбиваясь и путаясь при этом, бормочут свои некогда высокомерные проповеди о преимуществах капитализма. Было время, когда Америка в спешке своей полтора десятка лет не замечала и не признавала нас. Наступило время, когда борьба американских претендентов на президентский пост — одно из самых важных политических событий в Америке — ведется под лозунгом: кто лучше сумеет ответить на вызов Н. С. Хрущева, советского премьера и, как говорят сами американцы, «главного коммуниста земного шара».

Нас мало интересует, кто из претендентов победит, — это всего два сапога на одну ногу, притом заранее известно, на чью именно. Нас мало развлекает и клоунада выборов, в которой претенденты усиленно обливают друг друга помоями, а декольтированные женщины носят портреты Никсона чуть пониже спины и чуть повыше того места, которое удобнее обойти молчанием. Это — пена. Глубинная же сущность этих явлений состоит в том, что современная Америка, главная военная, экономическая, моральная цитадель нынешнего капиталистического мира, начинает жить психологией обороны перед победоносным социалистическим созиданием.

Это значит, что запах гниения капитализма начинают ощущать даже слуги его, хотя обоняние

их и весьма притерпелось. Это значит, и это понятно всякому здравомыслящему человеку, что победа социализма утвердилась не только на нашей родной земле — гигантскими заводами и гидростанциями, новыми и обновленными селами и городами, взлетами науки, высшими в мире достижениями здравоохранения и просвещения, нерасторжимым духовным единством народа, — но, что является фактором исключительного значения с далеко идущими последствиями, она, эта победа социализма, утвердилась в сознании человечества. И этого никакой буржуазной пропаганде уже не выкорчевать! В состоянии растерянности и интеллектуальной немощи занимался президент Эйзенхауэр уловлением душ, призывая сплотиться вокруг Америки на базе веры в бога. Но стара и дырява снасть этого скандализованного апостола, да и жестокая истина состоит в том, что ни люди, ни народы на проигрывающего не ставят.

В этом смысле весьма показательна Африка — самый большой политический вулкан современности, хотя и далеко не единственный. С Африкой, видя в ее союзничестве ключевые позиции для борьбы за будущее, заигрывали Генри Кэбот Лодж и Никсон, Гарриман и Кеннеди, Рокфеллер и Эйзенхауэр. Не зная иной идеологии, кроме убогой идеологии мещанства в смеси с религиозным ханжеством, они соблазняли ее посулами и рекламным блеском магазинных витрин. Но за кусок хлеба можно иногда купить руки, а душу — никогда. Африка год за годом видела, что никто больше не хвастается свободой, чем американцы, — словно из

опасения, что им никто не верит, — но, жуя на все лады в подходящих и неподходящих местах слова «свобода» и «права личности», они изо всех же сил защищали кровавые режимы, любовно обхаживали самые мрачные диктатуры, лобызались с Франко и Батистой, Ли Сын Маном, Чап Кай-ши и Трухильо. И уже давно поговаривают в мире, что известная статуя Свободы находится не на своем месте. И Африка, созревшая для раскрепощения не по вашингтонским прописям, все более поворачивается к американским политическим боссам тем местом, на котором декольтированные дамы носят портрет Никсона. И все больше, все глубже понимает она, откуда пришла и приходит к ней истинная свобода, — от нашей революции, вдохнувшей живую душу в борьбу народов против порабощения, от наших, марксистско-ленинских, идей, вооружающих прозрением социальной и политической истины, от нашего примера, от нашей работы в человечестве, от нашей поддержки. Об этом превосходно и исчерпывающе — и где, в Нью-Йорке! — сказали выдающийся деятель Камеруна и деятели других африканских стран.

Да, двадцатый век — это век революции, непрерывной и все расширяющейся, независимо от того, гремят или молчат пушки. «Аврора», возвестившая сорок три года назад эту новую эру в истории человечества, стоит на вечном приколе, но революция, приобретая в зависимости от конкретных условий новые формы, победоносно продолжается. Никогда еще не было на земле таких превосходных условий для творческой работы разума.

И мы, люди, ставшие под знамена Коммунистической партии в годы мирового кризиса десятилетия назад, являемся в человечестве заслуженным штурмовым отрядом, ветеранами революции. Ибо вся наша жизнь, независимо от того, что было у нас в руках — штык или плуг, была революционным творчеством и революционным подвигом. Мы вынесли всё — поношения наших врагов, их насмешки и угрозы, холод и голод, тяжкие годы разрухи и самозабвенный труд пятилеток, войну, бессонные ночи учебы и мучительные поиски открытий и откровений. И каждая пора нашей жизни оставляла истории блистательные имена — Чапаева и Павла Корчагина, Стаханова и Макара Мазая, Александра Матросова, Зои Космодемьянской и молодогвардейцев, четырех из Тихого океана и Валентины Гагановой.

Лишь неоперившейся молодости может казаться, что героика революции уже позади и нам только и остается, что чуть не механически работать сорок часов в неделю — самую короткую рабочую неделю в мире, — а остальное время скучать на травке в виду стада идиллических овец. Нам, людям поколения, поработавшего и повоевавшего, хорошо понятна истинность стихов Алексея Недогонова о том, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

А ведь и не только на своей земле много у нас дел. Мы не собираемся нести наши идеи в другие страны на штыках — и тем коренным образом отличаемся от капиталистического мира, который насаждал в Африке и Азии свою «цивилизацию»

крестом и штыком, — но мы по природе своей гуманисты и не можем забыть о долге братской взаимопомощи тем, кто в ней нуждается и кто о ней просит. Англичане оставили Индию, великую страну, без собственной промышленности, жаждущие пустыни Египта — без энергии и воды, колонизаторы «доцивилизовали» страны Африки до того, что в некоторых из них один врач приходится на десятки тысяч человек, а смертность вдвое выше европейской. И хотя у нас свое грандиозное хозяйство, для которого порой не хватает рук, наши передовые рабочие едут в другие страны передавать свой опыт, наши ученые передают в других странах свои знания, наши врачи и сестры работают в Африке, наши инженеры и техники помогли Индии создать новую крепость современной металлургии, наши гидротехники возводят в Египте величайшую плотину — Ассуанскую. И всюду, где по законам братства и социалистического бескорыстия работают наши люди, они оставляют добрую славу о советском человеке. Ибо он — друг истинный, с открытой душой. И это есть исполнение ленинских революционных заветов — укрепление братства трудящихся, и это есть часть современной нашей революционной романтики и героики.

Только бездельники везде бездельники, как чертополох везде чертополох. Только для них вся романтика — это «романтика» коровьей жвачки и питья, обезьяньего ломанья и кривлянья. Но чем ближе к идеалу завершения постройка, тем решительнее и быстрее убирают мусор.

Однако не только революционная работа выдает нам на долю, но, что называется, и забота. Она состоит в том, что время еще не уволило нас с боевого поста по охране мира. Н. С. Хрущев со смелостью, вызвавшей завистливое восхищение даже у противников, совершил в Нью-Йорке то, что лидерам капиталистического мира год назад даже не снилось, что даже за месяц до того казалось невозможным: наперекор их отнекиваниям, увиливаниям, попыткам ставить палки в колеса он практически осуществил совещание глав правительств — и в каком расширенном составе! — под сенью ООН, вместе с лидерами социалистических и африканских стран высказал полную правду в глаза капиталистам и колониалам. Досужие политические бабушки пытались истолковать результаты его деятельности по итогам голосования. Ну что ж, проблему разоружения удалось сплавить в первый комитет, но проблема-то колониализма обсуждается на Генеральной Ассамблее! Да разве дело в этом? Советский премьер, вероятно, даже и не ставил своей целью играть на клавишах голосования ооновской машины — он занимался ее реконструкцией и перенастройкой в духе времени. И раздраженные реляции американских политиков, и унылые тона американской прессы на этот счет лучше всего свидетельствуют, что им уже не долго остается полновластно сидеть за пультом управления. Бурную свою деятельность в ООН сам Н. С. Хрущев уподобил работе сеятеля, а сеятель знает, что урожай собирают не на следующий день. Но урожай зреет! И, может быть, понимая

это, американские милитаристы нагнетают напряжение в мире, вопят — вместе со своими подголосками из Европы — о необходимости вооружений, погромыхивают реактивными моторами у границ Кубы.

Что это, попытка шантажировать страхом? Воскресение из мертвых даллесовской политики «на грани войны»? Посмотрим. От современных американских лидеров, бедных познаниями, нищих по части плодотворных идей, — они все еще начинают свою философию от библии, свою демократию от Понтия Пилата, — можно ожидать всяких неразумий. И потому необходимо смотреть в оба и держать ракеты на стартовых площадках. Однако при всем том можно с полной уверенностью сказать одно — американская военная истерика может стоить жизни миллионам людей, она может стоить жизни самой Америке и еще раньше некоторым ее пристяжным по НАТО, но революции она не остановит и не убьет. Ибо в революции воплотился дух нашего века, а против него бессильны и пушки, и термоядерные бомбы. Душу прозревшую не убить!

НЕБО И ПОЛИТИКА

Издавна небо отдавалось во власть поэтов и астрономов. Теперь оно стало ареной космического соревнования и большой политики. Сбит американский самолет, сорвано совещание в верхах, визит Дуайта Эйзенхауэра в Советский Союз не состоится. Три эти взаимосвязанных события, уложившихся в пятнадцать майских дней, вызвали шторм в мировом общественном мнении, породили многочисленные последствия, которые, с одной стороны, чреватые несомненным возрождением холодной войны, а с другой, как это ни парадоксально на первый взгляд, очищают путь к миру от дипломатических кашканов и политических волчьих ям. Народы встревожены, пресса всех стран замеряет температуру международной жизни, опасаясь кризисных явлений. Но при всем том нет худа без добра: огорчительно, что упущен хоть и небольшой шанс на взаимопонимание в Париже при встрече четырех, но хорошо, что честные люди всех стран поняли подлинное значение

разрекламированного американского миролюбия, что во всем обнажении увидели настоящие пружины двурушнической американской политики — один для отвлечения внимания поет серенады под окном, другой лезет в форточку, — что перед ними воочию из-за стандартной улыбки Эйзенхауэра проступило мрачное лицо Фрэнсиса Пауэрса в обрамлении высотного плема. Всегда полезно знать, с кем имеешь дело, — и для здоровья, и для кошелька.

Сейчас нет необходимости ни в подробном изложении истории со шпионским самолетом, ни в столь же подробном комментировании парижских событий — обо всем этом уже достаточно писалось в прессе. Гораздо важнее уяснить, что из этого вытекает, и в первую очередь для самой жгучей надежды современности — жить без войны. Ибо миллионы людей, иронизируя над американскими государственными деятелями с их пристрастием к лисьим уверткам при слоновьей неуклюжести, в первую очередь все же задаются вопросом: что потеряло движение за мир на срыве парижского совещания? Может быть, не грянь ракетный гром в небе, по земле разлилось бы весеннее благоденствие и американская военная промышленность переключилась на производство детских сосок, а главный разведчик Аллен Даллес, уйдя на пенсию, организовал бы всепланетное общество цветоводов? Может быть, незванный Конрад Аденауэр прибыл в Париж затем, чтобы нащептать на ухо Дуайту Эйзенхауэру грандиозную программу расформирования иностранных военных баз и потопле-

ния в волзах Рейна ракетных установок? Короче говоря, чтобы ответить на вопрос о том, что потеряло движение за мир на срыве совещания в верхах, нужно задаться вопросом: а что оно могло приобрести, если бы совещание в верхах не сорвалось?

Главными проблемами, над которыми должно было работать совещание, являются разоружение, запрещение ядерного оружия, ликвидация остатков войны в Европе. Позиция Советского Союза по этим вопросам, с исчерпывающей ясностью изложенная Н. С. Хрущевым во время его визита в США, давала все основания для достижения быстрого и всеобъемлющего результата. Достаточно было Дуайту Эйзенхауэру согласиться на эту программу, чтобы через два-три года он при желании мог сам лично, не прибегая к услугам Фрэнсиса Пауэрса, оглядеть каждый наш самолет и потрогать руками каждую ракету, даже взять ее в качестве сувенира для дома в Абилине. А что в действительности вез в кармане на совещание в Париже американский президент? Это не составляет никакой тайны. В области разоружения он, по характеристике французской газеты «Либерасьон», вез «план-гибрид, соединивший вместе почти все недостатки английского плана, плана США и французского плана, чьим автором является Жюль Мок, и исключавший все положительное, что содержалось в каждом из этих планов в отдельности».

Короче говоря, вез воду, выжатую из похлебки. И в самом деле, первый этап этого плана предпо-

лагает изучения, согласования, организацию комиссий, увязывание их деятельности и т. д. и т. п. Пафос бюрократии! На втором этапе в плане предусмотрено такое ограничение вооружений, при котором Советскому Союзу после нынешней демобилизации пришлось бы заново проводить мобилизацию в армию. Затем — изучение бюджетов, конференции, комиссии, воздушная инспекция, наземная инспекция и только потом, когда-нибудь и как-нибудь, возможное постепенное сокращение вооружений. Следовательно, разоружение по этому плану могло наступить только для будущих поколений, и даже не самых близких. Таким образом, американская сторона заранее подвела под разоружение мину, которая на совещании неизбежно и взорвалась бы, порождая разочарование во всем мире. И тот же американский лидер, дезориентируя общественное мнение, картинно разводил бы руками: «Вот, мол, и хотели, а не получилось». Так же примерно обстояло дело и с запрещением термоядерного оружия — история того, в какие дебри крючкотворства загнали эту проблему американские додсоны и фогги, хорошо известна. Что касается ликвидации остатков войны в Европе и Западного Берлина, то американская сторона еще до совещания чуть ли не с клятвенным подтверждением на библии заявила свое «нет». А это значит, что при всей ясности позиций Советского Союза и самых благих намерениях Н. С. Хрущева парижское совещание в результате американских маневров могло обеспечить движению за мир лишь мелочишку на однодневные расходы.

И может быть, гораздо лучше в данных условиях, — события ближайших лет покажут это, — что все случилось так, как случилось. Чтобы знать, кого бояться, надо досмотреть, у кого камень за пазухой. Американская политика с позиций силы и хождения на грани войны — политика атомного шантажа, угроз, нажима, пытки страхом — была загнана в угол потому, что движение миллионов за мир, возглавленное Советским Союзом, стерло с нее пропагандистские румяна и белила. Американским лидерам поневоле пришлось проглотить горькую пилюлю разочарования, поискать другого курса. Они нашли его в том, что с американских политических амвонов полились речи о человеколюбии, нравственности, набожности и морали, о «мире в условиях справедливости», что американские лидеры пошли на некоторое смягчение своего отношения к политическим и культурным контактам со странами социализма, и в первую очередь с Советским Союзом. Своего апогея эти перемены достигли в поездке Н. С. Хрущева в США и предполагаемом визите Дуайта Эйзенхауэра в СССР. И хотя проблема разоружения, запрещения термоядерного оружия, Западного Берлина — все ключевые проблемы продолжали буксовать на месте, в мире испытывалось облегчение и порождались добрые надежды. Несомненная польза такого положения заключалась в том, что в эту пору бурно росли силы мира, что были прорваны железные занавесы дезинформации, что Америка увидела своими глазами «главного коммуниста земного шара» Н. С. Хрущева и услышала впервые в своей исто-

рии полную правду о коммунизме, мире, Советском Союзе. В мире в самом деле потеплело и посветлело. Но в то же самое время возникли и некоторые тенденции излишнего благодушия, преждевременного амнистирования американской уклончивости в практическом решении вопросов мира и разоружения. Американский военный бюджет растет, Америка вооружается. Что поделаться, Дуайт Эйзенхауэр мягкий человек, не может сразу справиться с «распалившимися» монополистами. Ричард Никсон сегодня произносит по-русски фразу «за мир во всем мире», а на завтра громыхает угрозами в духе холодной войны и призывает вооружаться на предмет сокрушения коммунизма. Нехорошо, конечно, но он человек молодой, рвется в президенты, а для этого приходится поневоле кланяться направо и налево...

Теперь всем, до мучительного стыда за вчерашнюю убаюканность, ясно, что Дуайт Эйзенхауэр одну руку протягивал Н. С. Хрущеву, а другой благословлял страшную политику шпионажа, международного гангстеризма, провокаций. Его благодушная улыбка на журнальных обложках — маска, его человеколюбивые речи с божественными цитатами в духе секты «Речных братьев» — личина ханжества. Теперь всем понятно также, что Ричард Никсон — не более как резвый свежий конек, на которого собираются пересесть американские военные монополии. За эту ясность мир заплатил изрядным разочарованием, но она хороша тем, что побуждает к действию. И это не пройдет даром для Америки! Сообщники Америки по

НАТО спешат отмежеваться от шпионской политики США, волны студенческих демонстраций снова и снова вздымаются в Турции, толпы демонстрантов осаждают резиденцию японского премьера в Токио, многотысячный митинг протеста бурлит в самом Нью-Йорке. В мире зреет и приходит в действие гнев против тех, кто возвел шпионаж в американскую государственную политику, американские лидеры находятся под жестоким критическим огнем извне и внутри страны. Первый гром над Америкой грянул с неба, но он растет и множится на земле, катится от материка к материка.

Видные западные обозреватели, в том числе американские, приходят к выводу, что по причинам глуповатой и дубоватой политики престиж США в мире упал так низко, как никогда прежде, — катастрофически низко. Что ж, он на наших глазах падал все время, и это не является особой новостью. Гораздо существеннее то, что сама американская политика, притом не только в глазах простых людей различных стран, но и во многих политических проамериканских кругах, утратила кредит доверия — это сокращает для американских лидеров плацдарм опасного маневрирования и порождает такие трещины в агрессивных блоках, которые никаким дипломатическим мастерам не заделать и никаким малярам не замалевать. И выигрывают на этом, на наш взгляд, не только народы других стран, но и сам американский народ. Вся мировая пресса, в том числе и американская, в своем большинстве приходит к заключению, что американская политика, попытавшись

нарушить правила движения и проехать на красный свет, терпит крупнейшую аварию, а Советский Союз, оставаясь до конца верным принципам своей миролюбивой политики, оказался в крупном выигрыше. А это значит, что в выигрыше оказалось человечество, поскольку главным его устремлением является мир и разоружение.

ПОБЕДА И МИР

Пятнадцать лет назад мне довелось наблюдать один из последних актов войны — на стенах, на колоннах рейхстага советские солдаты и офицеры ставили свои автографы победителей. Расписывались мелом, углем, красными и синими карандашами, выцарапывали имена и фамилии на бетоне остриями тут же подобранных немецких штыков. Майский ветер влек по коридорам и лестничным маршам рейхстага синий дымок, запах гари, шевелил пепел сгоревших бумаг. Так кончалась одна из самых драматических глав современной истории — вторая мировая война, в беспощадный механизм которой было втянуто почти все человечество. Главный ее виновник, бесноватый нацист, лежал обугленный неподалеку, в подземельях новой канцелярии, его помощники первой руки ожидали суда народов, а сотни тысяч бесноватых поменьше рангом расползались в разные стороны, подобно клопам из щели, на которую плеснули кипятком. Третий райх, мировой очаг человеко-

ненавистничества, варварства, морального одичания и политического бандитизма, — рухнул, лежал в дымящихся обломках.

Торжество мирной победы великолепно полнотой чувства — позади много труда и напряжения, но нет могил. Торжество военной победы, даже самой высокой и славной, осложнено печалью воспоминаний о погибших. Так было и тогда. Первая ночь победы была бессонной не только по причине радостного возбуждения — пройден последний страшный рубеж, за которым начинается зона мира, — но и потому, что куплено это было дорогой ценой — позади были разрушенные города, страдания женщин и детей, могилы наших родных, близких, друзей и сверстников. Города, хотя и ценой тяжелого труда, можно было отстроить, воронки засыпать, пустыри распахать. Но нельзя было вернуть сыновей отцам, отцов сиротам, мужей вдовам. Война поглотила не только неисчислимые материальные ценности, она ограбила жизнь. И потому даже в ту первую ночь победы мы задавали себе вопрос: с чего началось? И память, самый неутомимый и придирчивый летописец, давала ответ: все началось с помешательства капиталистического мира на антисоветизме и антикоммунизме. Безумная эта нянька — ненависть капитализма к Советскому Союзу — выкормила и выпестовала фашизм, счастливо улыбаясь, когда он играл снарядами и бомбами, а потом, попытавшись откупиться от его притязаний предательством Чехословакии, указала из Мюнхена на нас: «Распни его!» Высокие политические миссионеры

Лондона и Парижа не предполагали тогда, что волк прежде чем броситься на медведя, постарается перекусить лисой-советчицей, но именно так и получилось: раньше, чем танковые дивизии Гудериана выкатились под Смоленск, Шпейдель начал вешать парижан в Париже, а Геринг обрушил бомбы на Лондон. Оправдалась пословица «не рой ямы другому»... Создалось новое положение — страны Запада, руководители которых мечтали о нашем разгроме, по мотивам собственного спасения от фашизма стали нашими союзниками.

Наступила победа. Советские солдаты и офицеры ставили свои автографы на стенах и колоннах рейхстага. Ставили живые, но как бы и от имени погибших, включая их в число победителей, — на моих глазах молодой капитан написал колонку имен тех, чьи могилы были на Дону и Донце, на Буге и Шпрее. Это было не только трогательно, но и весьма серьезно — с огрубевшим и обветренным в боях лицом, с прожженной плащ-палаткой на плече капитан не только ставил таким образом посильный памятник павшим, а словно бы и давал обязательство хранить память о них в делах и свершениях будущего. Я не знаю, где он, этот капитан, сегодня, много лет спустя, но он мог бы сказать с чистым сердцем: «Товарищи и братья! Нам больше повезло в бою, потому что мы остались в живых. Это не наша специальная заслуга, а дело случая — ведь мы были рядом в сражении, бок о бок. Но мы, дети партии и советской власти, не стали эгоистами, не забыли вас, и совесть наша чиста — мы шли, идем по пути борьбы и побе-

ды. Ваша кровь отмыта, а дело, ради которого вы отдали жизнь, торжествует. Вы ушли из мира, когда на свете была всего одна-единственная социалистическая страна, атакованная военной машиной фашизма и морально-политической машиной всего капиталистического мира, а сегодня в лагере социализма живет уже треть человечества. Вы ушли от нас под раскаты боя, а сегодня наша страна является знаменосцем и главной крепостью мира. Вы знали только ракеты «катюши», а сегодня наши ракеты достигли Луны и обогнули Луну. Величие, могущество, богатство нашего социалистического государства, его успехи в науке, просвещении, культуре изумляют мир, становятся надеждой человечества, а отцы капитализма хватаются за голову от страха, потому что при своем материальном богатстве они оказались интеллектуальными банкротами. И эти наши успехи, эта слава нашей страны — не только ваш, но и наш, общий наш, памятник в будущих поколениях!»

Так мог бы сказать советский капитан, ставивший за живых и мертвых автографы на стенах поверженного рейхстага. А что могли бы сказать капитаны и солдаты армий наших союзников, которые в те дни вместе с нами праздновали победу на Эльбе? Какой бы вклад они ни внесли, но они тоже его внесли — могилы погибших во второй мировой войне есть и на кладбище Арлингтон, почти у стен Пентагона, аллеи тополей с именами павших на специальных табличках, прикрепленных к стволам, шумят даже в далекой Австралии.

Одного из воевавших на Западе я встретил

около пяти лет назад в Сан-Франциско. Он был хром. «Я пришел с войны к тому же, от чего ушел на войну, — сказал он. — Мир? Здесь этого слова лучше громко не произносить — запишут в коммунисты». И это была правда.

В Америке тех лет еще действовал, хотя уже и на исходе, маккартизм — политическая инквизиция; генералы Пентагона чертили радиусы действия своих самолетов до Москвы с запада и до Урала с востока, а политические генералы госдепартамента организовывали новые и новые фронты холодной войны. Действовала все та же заводная пружина — слепая, с кровавыми мальчиками в глазах ненависть против социализма, антисоветизм, антикоммунизм. «Остановить», «оттеснить», «разгромить» — таков был применительно к миру социализма словарь Трумэна и Ачесона, а затем Джона Фостера Даллеса. Но запугивание не помогло — у Москвы оказались стальные нервы. Не помогла политика с позиций силы — она наткнулась на силу более молодую и стремительно растущую. Теперь даже сторонники курса Ачесона — Даллеса признают, что американская политика тех лет села не на того коня. Посмотрим правде в глаза: с холодным цинизмом пренебрегая слезами наших вдов и сирот, радуясь нашим пепелищам и развалинам, ни во что не считая пролитую нами кровь, лидеры Америки пытались присвоить себе все плоды великой победы пятнадцать лет назад и прочно прибрать к своим рукам вожжи мирового руководства. И еще впутывали в это господства бога, ссылаясь на его предопределения. Хан-

жество шло рядом с цинизмом, высокопарные фразы прикрывали опасные замыслы.

- История, сбив замки с секретных сейфов, явит миру отвратительные детали заговора капиталистических государств против социализма, но и мы, современники, не можем, не смеем ни на одну минуту упускать из виду его основные пружины. Пятнадцать лет назад мы вышли сами и вывели мир из-под бомб и снарядов, но и все последующие годы мы находились в боях на фронтах холодной войны, навязанной нам Западом во главе с Америкой. Все и всюду — доярка на ферме, сталевар у печи, строитель на лесах, шофер в рейсе, ученый в лаборатории, Н. С. Хрущев в рабочем кабинете и в поездках по США, Индонезии, Франции, журналист за пишущей машинкой, служащий в учреждении, писатель за рабочим столом, шахтер в шахте и преподаватель в классе. Это был всего лишь труд, тяжелый и напряженный, творческий и дерзновенный, но именно этот наш коллективный и дружный труд заставил молчать пушки и лежать на складах термоядерные бомбы — пушки, которые Запад в изобилии отливал не затем, чтобы пахать землю, и термоядерные бомбы, приготовленные отнюдь не для космического фейерверка в день победы над фашизмом. Братская солидарность, коллективный, партийно направленный труд сделали нас тем, что мы есть сегодня, — передовым в научном отношении, могущественным, самым просвещенным и динамичным государством мира. У нас сегодня не только самые лучшие спутники, улетающие в космос, но и самые пер-

спективные идеи, обходящие землю, работающие в человечестве.

Чилийские студенты в письме Эйзенхауэру писали, что фразы о «подрывной деятельности» коммунизма лишены смысла, что в мире происходит техническая и социальная революция и что коммунизм одерживает победу даже в религиозных кругах силой экономического примера и силой идей, которых больше нет у Запада. Яснее не скажешь. И самое любопытное то, что ведь письмо-то писали отнюдь не сторонники коммунизма. Их вывод — если Запад не изменит своих методов, пожар коммунизма охватит весь земной шар, и «для этого не понадобятся танки Красной Армии, и, чтобы остановить этот пожар, недостаточно кораблей американского флота».

Спесь — чувство мелкое, петушиное. От такой спеси — упаси нас бог! Но есть еще высокое чувство гордости достойным и добрым деянием. Такова наша советская, социалистическая гордость, ибо мы не клонили головы в бою, не отступали в труде, и наш гуманизм признан разумными людьми на всех материках, и наша совесть чиста перед прошлым и будущим. Недавно Пабло Неруда во время дружеской беседы в гостях сказал: «Я останавливаюсь в Москве в гостинице «Националь», которая, конечно, не является образцом современности и комфортабельности. И все же, приезжая сюда, я чувствую себя не просто как дома, а еще и по-особому превосходно — такая у вас атмосфера жизнелюбия, творчества, порыва вперед. Вы, наверное, даже сами не представляете, как много

вы сделали для всех людей земли только за последние годы!»

Вероятно, что и не представляем, — мы видим только реки, взламывающие лед, нам из своей страны трудно видеть миллионы маленьких светлых ручейков, которые под влиянием социалистической весны рождаются и трогаются в путь во всех даже самых дальних странах. Это виднее на месте. Но мы понимаем всеобщий смысл своего труда. И гордимся тем, что этот труд выпал на наши плечи, и тем, что мы оказались достаточно сильными и смелыми для выполнения этой задачи. И при всем том нам чуждо зазнайство, и мы чувствуем себя на равной ноге со всеми простыми и хорошими людьми земного шара, независимо от их цвета кожи и оттенков мысли. Мне думается, что, будучи очень ярким представителем нашего народа — даже по характеру, живому, энергичному, даже по манере говорить, ясной, простой, с искрометной усмешкой и лукавинкой, — все это очень хорошо выразил Н. С. Хрущев в своих выступлениях на сессии Верховного Совета СССР. Это был голос народа — радостный, когда речь идет об отмене налогов и сокращении рабочего дня, гневный и саркастический, когда речь идет о воздушных провокациях, уверенный и торжествующий, когда речь идет о мире во всем мире, о победе коммунизма. Это как бы голос нашей общей победы пятнадцать лет назад и победы сегодня!

Победы оружия и труда, ума и творчества. Победы сил мира над силами войны. Победы социализма!

ЗДРАВСТВУЙ, ВЕСНА!

Синевя неба с небрежными мазками облаков. Солнце. Птичий щебет в голых еще ветках. Весна. И во дворе Третьяковской галереи группа военных — солдаты, сержанты, старшина — фотографируется у скульптуры Е. Вучетича «Перекуем мечи на орала». Сценка как бы специально организована для плаката о разоружении, но на самом деле случайная — приехали на экскурсию, посмотрели картины и решили сняться на память. И при всем том, при всей ее случайности, сценка эта наглядно выражает чаяния великого множества людей — больших и малых, маленьких и взрослых, далеких и близких. Я не склонен к иллюзиям в международных делах, так как по роду службы видел до некоторой степени вблизи их дебри — там еще встречаются этакие ископаемые из числа плотоядных, хлюпают вонючие и страшноватые болотца. Но в мгновенном эпизоде у скульптуры наперекор годами воспитанной осторожности виделось знамение времени.

Вечный мир всегда в прошлом был вечной утопией, которая, быть может, всего чаще весной овладевала сознанием людей — весной, когда приходит пора пахать и сеять, петь песни и вить гнезда. Но наступало лето, или осень, или зима — и надежды умирали на полях сражений, часто вместе с их носителями. Нашему поколению это также известно не из вторых рук. И все же, будучи материалистами, которые не путают истории с утешительными сказочками и по собственным синякам и шишкам знают ее острокаменные мели и закоряженные омуты, мы вынашиваем уверенность: человечество должно прийти к большому, длительному, может быть постоянному, миру. Ибо появились на арене новые могучие факторы, с которыми приходится считаться всем. Это прежде всего — неуклонно мирный курс лагеря социалистических стран, обнимающего ныне треть человечества, и неудержимо нарастающая активность всех тех, кто в поте лица ест хлеб свой. На всех материках, в любом дальнем далеке. Некоторые буржуазные толмачи пытаются объяснить необходимость мира появлением «абсолютного оружия» — термоядерной бомбы и ракет, в силу чего война никому не может дать преимуществ. Конечно, «абсолютное оружие» таит в себе грозное остережение даже для самых горячих голов. И все же это далеко не исчерпывает вопроса. Например, Первомай возник как день международной солидарности трудящихся, но никогда еще за всю историю идея этого праздника не облакалась таким внушительным реальным содержанием. И дело не в том, сколько демонстраций

прошумит по городам мира, а в том, что солидарность людей, народов, континентов становится практикой повседневности.

Это наводит на любопытные размышления.

Нашему поколению повезло в том отношении, что мы были участниками эпохального поворота истории: мы родились во времена, когда тут и там по планете отбрасывались темные тени тронов, и дожили до времени, когда на огромных территориях победоносно утвердился социализм, когда умирает не только абсолютизм в его классической форме, но пробуксовывают, теряют действенность и все его модернизированные варианты. Старый мир еще не изработал всего запаса сил, но ему все труднее выгребать на стремнине двадцатого века; он еще маневрирует, прикрывая выпренней демагогией тайные сговоры и интриги, порождает такие глетчеры холодной войны, как канцлер Конрад Аденауэр, но он уже и лишен свободы действий в таких коренных вопросах, как война и мир. На авансцену современности в решении этих вопросов вторгаются, выходят народы!

Одна из западных газет попыталась свести сущность визита Н. С. Хрущева во Францию к формуле «Де Голлю и Хрущеву нечем торговать». Это — язык лабазников, отражающий психологию лабазников. Но, не говоря уже о пользе всяких переговоров хотя бы для ознакомления, у него был и еще один аспект. Один из коллег, когда мы возвращались из Парижа, сказал: «Знаете, у меня такое ощущение, что я в этом году переживаю два Первоя. Дождь, и цветы, и толпы народа

вдоль дорог от Тарба до Лака, По, Нима, Арля, Марселя, Руана; дождь — и красные флаги и флажки в бесконечных количествах, и приветствия, и улыбающиеся, радостные, дружелюбные лица. Разве не похоже на праздник?» Да, похоже. Даже по основному содержанию. Ибо эти флаги, приветствия, толпы означали одно — сам народ, вопреки дождю и сеятелям сомнений, вышел навстречу идее мира и дружбы, идее солидарности по основным проблемам нашего века. Многие из тех, кто по четыре часа мок под не столь уж теплым дождиком в ожидании советского премьера, ничего не понимают в коммунизме и даже, запуганные, запутанные буржуазной пропагандой, побаиваются его, но они верят в то, что Москва и лагерь социализма вершат доброе дело на нашей многострадальной планете. А это — великая, исключительного значения победа здравого смысла, прорвавшегося наконец к истине через дебри лжи и дезинформации, сквозь рогатки и надолбы холодной войны, которую капитализм вел против социализма не только в последние годы, но и многие десятилетия. Одна французенка, которая понимает больше в модах, чем в политике, боится «большевиков» потому, что они якобы могут отобрать ее мебель. И все же, не усидев на этой мебели, она вышла встречать советского премьера. Мы спросили: почему? Она даже как будто удивилась наивности нашего вопроса и всплеснула руками: «О, спутник, мир!»

Но не только такие праздничные, оптимистические манифестации происходят в разных краях земли. Мысль, рвущаяся к свободе, энергия раскре-

поцения высекают новые и новые молнии, заставляя бледнеть и зеленеть лица тех, кто живет представлениями вчерашнего дня. Рвет колониалистскую узду Африка — рвет, несмотря на попытки заменить железные цепи нейлоповыми, прожигает чугунную ограду североамериканизма Латинская Америка, то и дело шатается под давлением изнутри Сеул, относительно спокойствия и удовлетворенности которого так много распевали газетные канарейки с нью-йоркского Таймс-сквера. И различные эти факты и факторы стоят того, чтобы вдуматься в них поосповательнее, — они означают, что решительно во всем человечестве, пусть еще не всегда равномерно и не всегда в достаточно отчетливой форме, но зреет, ищет пути к действию и действует идея народовластия. И остановить этот быстронарастающий процесс невозможно ни ножом в спину, ни пулей в лицо.

В пятидесятых годах мы осадили западных мальбруков разного роста и веса, явив им нечто такое, что заставило их убрать кулаки и утешаться кукишем в кармане. Осадив же, утвердили всепланетную цель — мир. Теперь с движением за мир сливаются и все освободительные и национально-освободительные движения разных народов и стран. И эта совокупная сила, первоисточником и основанием которой является наша политика, лагерь социализма, — лучший, надежнейший гарант благодетельных перемен на международной арене. Худо, плохо придется тем политикам в легком и даже тяжелом весе, которые не заметят этой силы или попытаются не посчитаться с ней. Они неизбежно

будут покаутированы, и прежде всего в своих странах, своими народами.

Вот на какие мысли наводит сценка у скульптуры, хотя по старой логике солдат даже у плуга ассоциируется с войной.

А при чем тут май?

В последнее время в литературной прессе большое место занял спор о физиках и лириках. Горячий спор с ничейным исходом, так как осталось неизвестным, что же делать — то ли, как ленивую лошадь на взлобке, подстегнуть лириков, то ли, для сохранения желательной дистанции, придержать за фалды физиков. Бывают еще у нас такие споры — жернова вертятся и гремят, а помолом и мышь не накормить. Но, каковы бы ни были результаты дискуссии, наступает весна — и лирики будут писать стихи, и соловьи будут петь. А соловей поет тогда, когда он сыт, когда гнездо его не разорено и уж конечно если он сам не сбит дробью с ветки. Поэтому в силу самой простой человеческой любви и к соловьям, и к лирикам, и к физикам в первую очередь думаешь в эти весенние дни о мире и успехах нашей страны — это ведь очень хорошо и необходимо и для лириков, умнейшие из которых весьма присматриваются к науке, и для физиков, многие из которых держат на своем духовном вооружении поэзию. Не случайно один из чудеснейших поэтов Востока, Омар Хаям, сказал: «Умно бывает подстригать деревья, но окарнать себя куда глупей». Правда, сказал по иному поводу, но мысль от этого не становится ни мельче, ни хуже. Кстати говоря, самих наших лириков и фи-

зиков объединяет один важный фактор — они внесли крупный взнос в борьбу за мир и, надо полагать, внесут еще не меньший.

Но это — попутно, к слову.

Главное — дела у нас идут успешно. Когда только что был опубликован семилетний план, за рубежом, по привычке и в порядке самоутешения, кое-кто пытался смотреть на него в перевернутый бинокль. Но уже план первого года был перевыполнен почти на треть. И скептикам пришлось перевернуть свою оптику и заткнуть чернильные фонтаны. Больше того, многих из них все больше одолевает страх перед лавиной наших огромных и разносторонних достижений. Об этом — о дрожи в коленях у американского бегуна на нынешней исторической дистанции — довольно откровенно поведал профессор Бэрнс в журнале «Атлантик». Он писал: «Сейчас почти каждую неделю предприниматели, политические деятели, преподаватели и другие лица возвращаются из России, сообщая зловещие новости о советских успехах в развитии ресурсов, в станкостроении, в научных исследованиях». Словечко «зловещие» для профессора Бэрнса не случайно — на его глазах Америка потеряла чемпионское звание сильнейшей державы мира, а теперь он предвидит близкий вечер ее экономического лидерства. И так как подставить ножку советскому атлету профессор Бэрнс не в состоянии, он обрушивает свою критику на американскую двухпартийную систему, видя в ее кризисе недостаток американского динамизма. С таким же успехом и основанием, между прочим, мог бы он обрушить свое

раздражение и на многие другие стороны современной американской действительности — эту плотину просасывает и размывает не в одном месте. Во всяком случае ясно одно, — ясно и нам, и нашим друзьям, и врагам нашим и наших друзей, — мы совсем близко, что называется на расстояние вытянутой руки, находимся от того времени, когда наша страна станет самой богатой во всем мире. Самой богатой! При хорошей погоде, под светлеющим небом мы входим в ту коммунистическую явь, которая была высокой мечтой Ленина и его соратников, всей бесстрашной гвардии коммунистов, дерзнувших на беспрецедентный прорыв в будущее и вместе с народом осуществивших этот прорыв.

Старый мир, долгое время утешавшийся сказочками о превосходстве «системы частного предпринимательства», якобы дарованной человечеству из рук самого господина бога, растерялся. Он лихорадочно ищет и не находит шансов для контригры. Умнейшие из деятелей этого старого мира, скрепя сердце, ставят довольно реалистический диагноз, который сводится к следующему: Москва непрерывно излучает в мир идеи, интеллектуальную энергию высокого напряжения, а у капитализма их нет. Рецепт спасения — срочно найти новые идеи, привлекательные для отдельных людей и целых народов.

Ищут. И не находят.

Всякий разумный человек, к какому бы лагерю он ни принадлежал, сегодня понимает, что шестидесятые годы будут, как выражаются некоторые журналисты, «мирной битвой за умы и сердца».

В ней нужны не пушки, а ум, не барабанный бой самовлюбленного фанфаронства, а знание законов истории. И в эту весну шестидесятых годов мы входим вооруженные разумом и знанием, полные оптимизма, — крепость нашего социалистического общества, его молодая энергия, сила и неотразимость его идей уже проверены и перепроверены в титанических свершениях и в бурях двадцатого века. Шаг наш широк, самочувствие великолепное, свежий ветер больших высот дует нам в лицо.

Календарная весна коротка — полыхнет зеленой листвой, рассыплет цветы, осветлит реки, поиграет первыми грозами и радугами и сдаст права лету. Но наша страна вступает в другую весну, долгую и прекрасную — весну коммунизма. И для тех, кто озарил всю свою жизнь — труд, бой, творчество — мечтой об этой весне, нет большей награды и счастья, чем ее приход!

Недавно на одной из московских улиц можно было наблюдать интересную сценку — растянувшись длинной процессией по узкому тротуару, шли школьники, мальчики и девочки в красных галстуках, и у каждого в руках был горшок с цветами. Зеленое и красное, цвет весны и цвет революции. Не знаю, куда они шли, эти девочки и мальчики, — всего вероятнее, украшать класс к ленинскому вечеру, — а казалось, что отправились они встречать свое будущее. Дети всегда радуют, а нынешние особенно — это уже поколение коммунизма, его близкой дали, его сверкающей и певучей весны.

Что ж скажешь по этому поводу?

Здравствуй, весна!

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

Тот, кто приходит на Красную площадь, — приходит к ее Величеству Истории. Не той, что, отшумев своими событиями, спит на книжных полках, а той, что, набирая от события к событию новую энергию и скорость, плодотворно работает в современном человечестве, напоминая грозное и прекрасное минувшее, вдохновенно творя настоящее и предвосхищая грядущее. Мир велик, в нем много мест прекрасных и памятных, достойных почтительного уважения и преклонения, но ни одно из них не врезано в сознание народов разных стран с такой яркостью и озаренностью, с такой символической значимостью, как Красная площадь. И не потому только, что от Исторического музея до храма Василия Блаженного она как бы приподымается над землей, открываясь всем своим простором небу и синему ветру; не потому только, что рвутся в высоту по краям ее стрельчатые башни, напоминающие многоступенчатые ракеты. Потому, что в

красном мраморе ее мавзолея воплощено бессмертие коммунистических идей, что под кипение людских масс на этой площади выплывало в пламени событий русское государство. А всего более потому, что она стала символом революции, обликом революции, голосом революции.

Здесь скатывались под топорами царской тирании головы первых бунтарей. И здесь же, в самом священном месте земли нашей, спят самые выдающиеся деятели революции. Здесь, донося свой вещий гул до самых дальних земель и стран, бурлит море народное в дни печали и в дни радости, в дни суровой борьбы и торжества победы. Здесь выступал на первых парадах Владимир Ильич Ленин. Это были бедные внешне парады еще бедной страны, но в них кипела вулканическая лава революции, коммунистической идеи, ставшей ныне ведущей силой века. Эта площадь видела слезы прощания с Лениным, заснеженные шинели и суровые лица солдат сорок первого года, уходивших с парада прямо в бой; на ней к подножию трибуны были сложены знамена поверженного фашизма; по ней проплыли в грозном марше эшелоны ракет, при виде которых застывали в немом изумлении иностранные военные атташе. И по ней же, хлынув во все экраны европейского телевидения, прошла в искрометной радости и молодости демонстрация в честь первого на земле космонавта. И этот космонавт — коммунист, внук Ленина, сын и воспитанник советской власти. И руководители партии и Советского государства приняли его рапорт и поздравили его от имени народа.

Такова Красная площадь.

На ней встречаются героическое и славное прошлое с героическим и славным настоящим.

Через нее, воплощенная в миллионах горячих сердец и душ, озаренная отсветами красных знамен, революция из настоящего идет в будущее, мир социализма — в мир коммунизма.

И свет от нее, и песня ее, и миллионногосый гул ее видны и слышны в любом конце земли.

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Человек совершил полет в космос и вернулся.
Наш, советский человек.

По поводу этого события, столь необычайного, что его трудно осознать как реальность, можно сразу сказать все самые высокие слова — изумительно, фантастично, блистательно, потрясающе! И может быть, никогда эти превосходные эпитеты, особенно взятые вместе, не были столь оправданы и уместны, как в данном случае. Ибо то, что произошло, касается всей нашей планеты в самых различных аспектах ее сегодняшнего бытия, ее близкого и даже отдаленного будущего. Перед лицом этого подвига советской науки и советского характера нет и не может быть ни безучастных, ни непричастных: он затрагивает всех и относится ко всем.

Лихорадочно работает телеграф, разнося сенсационнейшую новость двадцатого века. В поте лица трудятся комментаторы радио и телевидения. Гро-

хочут на планете сотни тысяч печатных машин, воспроизводя сообщения из Москвы. В этой буре эмоций, охватывающих все континенты, трудно разглядеть отчетливые контуры всех возможных последствий события, но главные из них бесспорны.

Ни для кого уже не секрет, — даже для политических страусов, которых не столь давно в изобилии плодил американский образ мышления, — что главной пружиной важнейших событий двадцатого века является соревнование между социализмом и капитализмом. Социальная революция и национально-освободительные движения перекрасили и перекрашивают карту мира, перемещая центр идейного и политического влияния на сторону социализма; техническая революция, оплодотворенная социалистической системой, передвигает центр экономической мощи и культурного процветания в лагерь социализма с его первородным и самым развитым плацдармом — Советским Союзом. Когда-то нас при подобных утверждениях подозревали в пристрастии и самолюбании. Теперь этого сделать нельзя. Даже американская пропаганда, не столь давно презрительно пофыркивавшая по адресу сообщений о наших успехах, стала необыкновенно чувствительной и пристально, пристрастно, озабоченно следит за каждым шагом нашего движения.

Сегодня она вынуждена признать еще один крупнейший выигрыш социализма в его историческом соревновании с капитализмом. И она очень хорошо понимает значение этого выигрыша в борьбе за направление умов в современном мире!

Мы еще не сняли со стен лозунга «Догнать Америку!», а между тем уже и Америка вынуждена вешать на своих стенах, вещать по радио и пропагандировать в газетах лозунг «Догнать Советский Союз!». Догнать в науке, которая проявила такую дерзновенность и гибкость; догнать в вершинных проявлениях техники, без которой такие прорывы в космос невозможны.

Догнать? Пусть догоняют. Мы, люди гуманные, не станем, не в пример противной стороне, потешаться над чужими огорчениями и неудачами, но с удовлетворением отметим — мы хорошо пахали и засевали поле свое, наш самозабвенный труд приносит отличные результаты, наша вера в правоту и плодотворность коммунизма оправдывает себя! И, что не менее важно и отрадно, миллионы людей в мире, желающие блага своей родине и народу, еще раз перед лицом этого события займутся переоценкой ценностей и сделают для себя неизбежные выводы о превосходстве одной системы над другой.

В отличие от печально известного Фрэнсиса Пауэрса, летчика с самолета «У-2», советский космонавт не имел на вооружении ни взрывчатки, ни бесшумного пистолета, ни валюты для подкупа «туземцев». Он был мирным в полном смысле слова — от снаряжения до убеждений. И тем не менее в условиях военного бума, которым западные мудрецы пытаются подправить экономику, и военной истерии, насаждаемой различными безответственными авантюристами, первый космический полет неизбежно будет рассматриваться кое-кем и

под таким углом зрения. Что делать, в таком мире мы живем! Но если говорить откровенно, то и этот аспект космического путешествия — во благо миру. Когда над миром, над Нью-Йорком взошла первая «красная Бэби-луна», как называли американские газеты советский спутник, американская политика вступила в полосу реалистического отрезвления. Она увидела, так сказать, «моральную устарелость» своих многих разбросанных по миру военных баз и беспомощность дорогих радарных систем, которые перед скоростью ракеты превращались попросту в электронных зрителей.

Вот почему первый спутник стал не только торжеством науки, но и превосходным деятелем в пользу мира и взаимопонимания. Его, насколько я помню, не рисовали с крыльями голубя, а он вполне того достоин. Это голубь мира огромной силы и высочайшего полета! И при всех условиях он станет хорошим остережением для тех, кто, попирая все нормы элементарной нравственности, захлеб поет оды и дифирамбы американским спутникам-шпионам. Человечество и в этом случае сделает свои выводы — его на мякине не проведешь!

Между прочим, на память сегодня приходит одно интересное обстоятельство. Когда полетел первый спутник, американские ученые, уже тогда целиком признавая ведущую роль советской науки, предполагали, что полет человека в космос состоится, по самым оптимистическим подсчетам, лет через десять — двенадцать. Прошло три с половиной года.

Великое ожидаемое — свершилось.

На благо мира.

На благо человечества — в свете советских успехов, успехов социализма, людям земли легче выбирать путь к жизни подлинно свободной и достойной.

И мы, советские люди, вправе торжествовать и гордиться своей наукой, своими золотыми руками, своей победой.

Своей родиной, имя которой стоит первым в завоевании безграничных космических просторов, звездных просторов.

Своей Коммунистической партией, гениальные прозрения которой ныне так блестяще и зримо подтверждаются всем развитием современности. В час великого торжества тронем на мгновение память прошлого. «Мы победим!» — говорил Ленин в голодной, истомленной войной и разрухой России накануне революции. «Мы победим!» — говорили комиссары в тяжкую пору гражданской войны и интервенции, когда, кроме белых армий, на нас двигались армии четырнадцати держав Запада и Востока. «Мы победим!» — говорила партия в пору пятилеток, и в пору битвы с фашизмом, и в пору послевоенного восстановления. И мы побеждали, и мы побеждаем. В озарении гуманности и свободы, во славе всемирных подвигов стоит сегодня перед лицом человечества первая социалистическая страна мира.

Советская страна!

КОММУНИСТ В КОСМОСЕ

Самое большое событие весны известно — это путешествие советского человека в космос. Известно и самое возмутительное, провокационное — это вторжение на Кубу. Одно свершено страной социализма на благо человечества и заслужило его признание. Другое «сделано в США» и вызвало взрыв возмущения на всех континентах. Существенной милостыни утешения не подали Америке даже ее партнеры по блокам. Бальзама на раны обожженного самолюбия после победы Фиделя Кастро не пролила даже американская пресса. Конечно, были в ней всякие извивы и выверты мысли, но вот что писал в «Нью-Йорк таймс» ее обозреватель Сульцбергер: «Американский престиж сильно пострадал. В глазах наших друзей мы выглядим как дураки, в глазах наших врагов — как негодяи, а в глазах остальных — как некомпетентные люди». Оговоримся — мы были возмущены, но непричастны к такой публичной брани. Хозяевам виднее, каковы они есть.

Прежде в схожих случаях говорили: два мира — два результата. Перед лицом нового времени и новых событий формула приобретает расширительное значение: два мира — два разных пути не только в экономике и политическом устройстве, но и в этике, в морали, в отношении к человеку и человечеству. Ныне отцы капитализма не только превратили формулу гуманизма в объект спекуляции, но и, усердно приспособлявая религию в фундамент своей идеологии, одновременно ходят в грязных башмаках даже по страницам евангелия, на которых проповедуется любовь к ближнему. А мир социализма возвышает и воспевает человека и все лучшее в нем, пишет его имя с большой буквы, возвращает священным для людей словам «человеколюбие», «свобода», «демократия» их подлинное высокое значение. Капитализм впряг разум в забрызганную грязью и кровью колымагу наживы, приобретательства. Социализм возжигает его, как факел, освещающий дорогу в грядущее.

И это закономерно.

Весной, что ни день, все быстрее гниет старое, отжившее, и все в большей мере проявляется творческая сила живого. Опавшая листва, казавшаяся золотой по осени, теперь быстро чернеет и превращается в труху, а из почки, вчера еще малозаметной, вылетает окрыленный лист. И даже из-под края сугроба, где, казалось бы, и вовсе нечего ожидать, вырывается подснежник. В веснах великих общественных преобразований происходит нечто похожее, только в грандиозных масштабах и с долговечными результатами. Смысл нынешнего дня

в том, что мы переживаем сразу две весны — революционную и климатическую. И в них все соседствует и взаимопроникает.

Климатическая весна наступала капризно: и ранние грозы, и поздний снег. Термометр подавал сигналы тепла и холода, ртуть прыгала вверх и вниз, как речи некоторых заокеанских деятелей. Влюбленные выходили на свидания в плащах и мечтали при расставании о теплых пальто. Небо международной весны тоже не было безоблачным, но все же утешительно подкрашивалось в цвета надежды. В Конго, прогорев на розничной торговле территорией страны, увядали марионетки и обнаруживал все большую жизненную силу Стэнливилль; потеряв надежды на фуминосавановский Лавос, разжигатели костров, хотя и под гром собственных тамтамов, стали зондировать почву для разумных урегулирований. Прессой всего мира овладело предощущение полета человека в космос, и некоторые иностранные корреспонденты сообщали о финише задолго до старта. Даже в центре мировой напряженности, в США, многие склонялись к тому, что роль слона в посудной лавке слишком дорого обходится американской политике. Новый президент, с нашей личной точки зрения несколько дольше необходимого засидевшийся на изучении «уроков истории», «осмыслениях», «выяснениях», «определении линии», готовился к первым самостоятельным шагам на международной арене. И советская политика спокойно ожидала первого шага дебютанта, не чуждаясь добрых напутствий.

Правда, тут необходима одна оговорка.

Чаемое не всегда равнозначно существу. И по отношению к некоторым заявлениям из-за океана сохраняло свое значение крылатое выражение — «благими намереньями вымощен ад». Память не посадишь под замок в соседней комнате, и в ней вставала прошлая весна, когда после улыбок в объективы и добрых обещаний с трибун Эйзенхауэр торпедировал «совещание на вершине» самолетом «У-2», взвалив на президентские плечи хлопотливые обязанности первого разведчика. Однако и думалось при этом: а что было и взять со старого генерала? Его духовного зрения давно уже не хватало даже для того, чтобы разглядеть видные со всех концов света грязные пятна, которые он посадил в изобилии на мундир американского престижа. Но теперь положение было как будто иным — новый президент в предвыборной кампании осудил политику старого и отвесил почтительный поклон портрету Франклина Рузвельта, разбудившего в мире добрые чувства к Америке. Предполагалось также, что, как бизнесмен, новый президент по мотивам деловой респектабельности будет оплачивать свои политические векселя.

Но благие намерения не сработали. Сработала старая «политика с позиций силы», давно, по случаю перелома конечностей, бредущая на костылях.

События следовали стремительно.

По миру прокатилась волна оваций в честь тех, кто раздвинул сферы человеческой деятельности, провел первую борозду по открывшейся для посева небесной целине. Но не успели народы вдосталь насладиться радостью величайшего в истории по-

двига, как произошло вторжение на Кубу. На космическом корабле стояло «сделано в СССР», в Н. С. Хрущев со слезами волнения обнимал первого космонавта. На планах вторжения, на оружии, на обмундировании политического утиля, ринувшегося жечь и коверкать кубинскую землю, стояло клеймо «сделано в США», и ответственные американские деятели устраивали весенние свидания с марионетками для Гаваны. Трезво мыслящая западная пресса — а там есть и такая — ставила диагноз: первым внешнеполитическим шагом нового американского президента был шаг в костер, а новая американская политика оказалась ухудшенным изданием старой. Сквозь нее проступили не черты Франклина Рузвельта, а черты Трумэна, Эйзенхауэра и двух Даллесов. Дальнейшее известно: вторжение с треском провалилось, уверения Аллена Даллеса в непрочности кубинской демократии оказались старческими домыслами, американский престиж в глазах народов и стран запахал носом. Куба праздновала победу, Вашингтон чинил прорехи. Английская пресса констатировала — новый американский президент не оправдал надежд.

Мы не хотим ставить пока точку — поживем и увидим. Но тот факт, что Кеннеди начал серию консультаций с Трумэном и Эйзенхауэром, Никсоном и Рокфеллером, наводит, как говорится, на размышления. Вполне понятны в подобной ситуации попытки опереться на моральное единство партий, но что могут дать консультации с теми, чьи концепции и действия год за годом вели Америку по нисходящей, а мир — по пути тревог холодной вой-

ны? Или потрясение настолько велико и неизлечимо нормальными средствами, что новая американская политика видится в качестве виногрета старой, опрокинутой на выборах американским народом? Напомним факты: американское правительство то и дело объявляло походы против коммунизма и одновременно легализовало в США фашистскую организацию. Настоящую, с фюрерами и свастикой. Цветочки такого рода быстро дают горячие плоды. Пример тому дан во Франции — мятеж «ультра», мятеж неофашистов в Алжире. Мир и раньше задавался вопросом: куда ведет такая политика? Последние события дают на это ясный ответ.

Нельзя также не вспомнить, что каждый бывший американский президент из перечисленных и каждый бывший кандидат в президенты делал в прошлом время от времени заявления, в которых изображал себя чуть не самым господом богом, таким всевышним, призванным вершить судьбы народов по принципу «что хочу, то и ворочу». Но в современном мире, где существует гигантский социалистический лагерь с его успехами и энергией, где повсеместно, даже под окном у Америки, идет в различных формах борьба за свободу и независимость, такая поза пригодна только для оперетки. Поразмыслит ли новый американский президент, подтянув нервы, — а они у него, судя по старым бранным эпитетам в наш адрес, подсорвались, — поразмыслит ли над смешными и трагичными позами своих предшественников? Поймет ли логику событий?

Будущее покажет.

Но нам стоит поразмыслить. Всем — и тем, кто любит май за его революционность, и тем, кто любит весну за соловьиные песни. Во-первых, потому, что всякие претензии с чьей бы то ни было стороны объявлять себя всевышним, ставить народы по стойке «смирно!», сажать с помощью штыков марионеточные правительства вместо законных чреваты в двадцатом веке такой грозой, которая опасна и для любителей соловьиного пения, и для самих певцов. Разумной остается только одна формула — сосуществование, и на ней, политически и морально подавляя всякий наполеонизм, должен настаивать каждый человек и все человечество. Во-вторых, людям полезно подумать над всем этим еще и потому, что в подобных судорожных метаниях капиталистической политики сказывается ее смертельный страх перед новыми и новыми победами социализма. Мы заявляли и заявляем миру капитализма — прекратите авантюры, оставьте бесплодные попытки насаждать в международных делах американскую политическую диктатуру, — хотя бы по соображениям собственного долголетия, — давайте соревноваться мирно, и пусть люди, сравнивая результаты, сами выбирают для себя тот общественный строй, который считают более прогрессивным. И почему бы «процветающему капитализму», как трубят об этом американская пропаганда, почему бы системе «частного предпринимательства», которой президент Кеннеди рисует розовое будущее, не приять этой формулы? Почему капитализму, если его сила так велика, как он ее рекламирует, не показать нам, где раки зимуют,

явив высокие темпы в развитии экономики, науки, просвещения, медицины, подлинной демократии? Так ведь все просто и логично!

Но в том-то и дело, что капитализм в себе таких сил уже не чувствует, что он одряхлел, что кровь его становится все холоднее, а мышление никак не может выкарабкаться из мусора пустопорожних фраз и отработанных догм.

Весна климатическая наступает только для северного полушария нашей планеты. Весна политического обновления работает на всех континентах. А социалистический мир находится на прекрасном, захватывающем дух подъеме. Тот факт, что первым вошел в космос советский человек, — коммунист в космосе! — должен многое сказать и сказал и нашим друзьям, и западным политическим звездочетам. В нем обрело зримое для всего мира воплощение все — наша вера, наш труд, наше творчество. Америка возвышалась в сознании людей небоскребами тогда, когда у нас еще жгли лучину и Ленин в потопленном кабинете рассказывал о планах электрификации. Теперь она с горечью смотрит нам вслед, и уже отнюдь не только на дороге в космос. И все больше людей и народов, размышляя о своем будущем и решая «сделать жизнь с кого», берут на вооружение советский опыт, социалистический опыт, как самый убедительный и перспективный.

ВСЕЛЕННАЯ С ОВЧИШКУ

Мир дал свою оценку советской победе в космосе. Эта оценка гласит — великое событие столетия. То же признаёт и большинство американцев, считая, что «Россия идет в авангарде XX века». Но при всем том можно с полной гарантией выигрыша держать пари, что если завтра в десять часов пятьдесят пять минут утра группа советских космонавтов высадится на планете Венера, то в Америке найдутся политические деятели и органы печати, которые заявят: «Пока американская инспекция не проконтролирует на месте, не поверим», — и: «никакой ценности не представляет». Для гарантии выигрыша есть все исторические, психологические и социальные обоснования. Реакцией американского народа на запуск первого советского спутника три с половиной года назад был возглас: «Вот это да!» — по той причине, что коллективный разум народа является категорией постоянной и устойчивой, чего не скажешь ни о разуме, ни об элементарной порядочности некото-

рых деятелей и органов печати. Их реакцией на запуск спутника был крик: «Караул!» Это было грустное зрелище своеобразного атавизма — человеческий интеллект, на шлифовку которого ушел тяжелый труд многих поколений, становился на четвереньки. И, между прочим, косвенным сигналом к этому, как объявил диктор американского телевидения, был приказ президента Эйзенхауэра «прекратить пропаганду советского спутника». За ним последовал приказ по армии — запретить солдатам разговоры о советских ракетах и спутниках.

Вещи лучше всего называть своими именами, особенно если их сущность проверена историей. И, действуя так, можно сказать, что в этих акциях американской политики и прессы сказалась обыкновенная трусость — претенденты на «мировое руководство» пытались завязать глаза и заткнуть рот мыслящей Америке. В то же самое время был выдвинут лозунг «Догнать СССР», и, по правде говоря, выглядел он в расшифровке наивно и смешно. Газеты сообщали, что главной заботой правительства США стало стремление «вернуть США инициативу в психологической и технической области», запустив своего спутника... выше, чем советский! Газета «Нью-Йорк таймс» с серьезным видом писала, что американские политики хотят зашвырнуть в космос «платформу», с которой можно изучать «всю поверхность Земли». А журнал «Авиэйшен уик» призвал к созданию спутника-шпиона и предложил называть его «Большим братом». И при всем том шло безудержное восхваление американского разума, американского человеколюбия, американской любви к

богу и миру «в условиях справедливости». Становилось похоже, что кое-кто по мотивам политической спекуляции втягивает американский народ, американскую общественную и научную мысль в игру «испорченный телефон», в итоге которой всегда получается абракадабра.

Прошлое принадлежит прошлому, и мы в условиях новых надежд не напоминали бы о нем, если бы некоторые деятели и органы заокеанской прессы не тянули в новое утро мусор вчерашнего вечера. Три с половиной года, которые прошли со времен полета первого спутника, были годами все более разгорающегося соревнования между социализмом и капитализмом. Мы, выигрывая его, лидировали на земле, но мы лидировали и в космосе. Наши достижения известны и вопли навсегда в мировую летопись новой эпохи. Продвигались вперед и американцы — мучительно, со срывами и огорчениями, но запускали новые и новые спутники и проводили исследования. Мы уважаем упорство их ученых, конструкторов, рабочих. Но и факты остаются фактами — они все еще далеко отстают по мощности ракет, по приборам управления и возвращения на Землю, и потому ни одно живое существо и ни одно растение не облетало Землю по космической орбите на американском корабле.

Что же делать? Мы не виноваты в их огорчениях, хотя вполне понимаем их. Но мы вправе радоваться своим достижениям и гордиться ими — это нормальное человеческое чувство. Мы не высмеивали американцев, когда они создавали мировую славу, как сенсацию века, своему прыгуну Томасу,

но мы и не потешались над ними, когда Брумель оставил Томаса внизу. Лучше проиграть соревнование с надеждой на будущий успех, чем потерять разум и достоинство на всеобщее посмешище. И это не только в спорте. Это и во всемирно-исторических делах. Мы не считаем для себя унижительным лозунг «Догнать Америку» и не считаем, что Америка будет унижена, если мы ее перегоним, — а к этому ей следует готовиться побыстрее! — мы просто считаем, что в современных условиях мы творим на благо человечества лучше, больше, с лучшим прозрением грядущего. Творим, ни у кого ничего не отбирая, а, наоборот, помогая другим.

Не согласны? Докажите делами.

Двенадцатого апреля советский человек Юрий Гагарин совершил полет в космос и благополучно, не получив ни одной царапины и ни одного ушиба, возвратился на Землю. Мир встретил эту весть ликованием. Ученые, общественные и политические деятели, простые люди и главы государств оценили это как величайшее достижение человеческой истории, как самую грандиозную победу двадцатого века, как порог новой эры. Вся Европа, вся Северная Америка смотрели советскую телепередачу о встрече в Москве первого на земле космонавта. Мы понимали, что кое-кому это не нравится по мотивам и национального, и личного престижа, и, так как люди в радости бывают щедрыми, готовы были сочувственно отнестись к чужим огорчениям, когда они облакались в достойную просвещенного человека форму.

И тем поразительнее, что в такой торжествен-

ный для человечества день на мировую арену, как и три с половиной года назад, полезли пещерные люди! В окружении радио, телевизоров, самых совершенных печатных машин поставили свой разум на четвереньки. И что ринулся по пути этого атавизма, по дороге «назад, к предкам» не только боннский министр обороны Штраус — коричневый осколок на орбите прусского солдафонства и неонацистского реваншизма, — а и некоторые персоны, некоторые органы прессы Нью-Йорка, Вашингтона и иных городов Америки, некие святые ханжи из Ватикана. В этот день им Вселенная показалась с овчинку. На мой взгляд, человечество обязательно должно обратить внимание на эти голоса, которые раздаются не просто из психиатрических больниц, а размножаются радио, телевидением, газетами на предмет формирования общественного мнения «свободного мира» — кстати, эти овощи интеллектуальной и моральной неполноценности характеризуют в изрядной степени и огород, в котором они выросли.

В канун полета человека в космос, 11 апреля, газета «Нью-Йорк пост» опубликовала заявление представителя американской разведки, который признал, что русские могут побить Америку в запуске человека на космическую орбиту, но прибавил: «Мы можем надеяться только на то, что у них в последний момент перервутся провода или случится что-либо неожиданное».

Не правда ли, хорошее напутствие советскому космонавту? И отличная характеристика американскому разведчику и с точки зрения морали, и с

точки зрения представления о советской технике? Так и хочется предположить, что он изучал ее на мысе Канаверал!..

Не менее поразительные познания техники и политики проявили, и также 11 апреля, американский генерал Томас Уайт и министр авиации Цуккерт. Уайт сказал, что Советский Союз способен запустить «большую космическую платформу», из чего видно, что генерал все еще мыслит американскими утопическими категориями пятьдесят седьмого года. Министр Цуккерт объяснил отставание Америки в космосе тем, что, мол, «наши взоры были обращены на защиту свободы и восстановление здоровья свободного мира». Напомним: американская делегация в ООН воздержалась при голосовании резолюции, — все-таки принятой, несмотря на противодействие США, — резолюции о ликвидации колониализма. Не в этом ли выразилась «защита свободы» — в фактической поддержке колониализма? А война в Лаосе, за которую несут ответственность США? А убийство Лумумбы, которое не расследовано до сих пор при противодействии США? А агрессия на Кубе под уже доказанной в ООН режиссурой США? Не голуби мира выкармливались на американских харчах в теплицах Флориды и Гватемалы, а гангстеры реакции, не человеколюбы, а каннибалы. И тем, кто готовил эту акцию под маскировкой из увертливых и обтекаемых деклараций, следует учесть: народы мира знают, какова и где находится «свобода», с пальцев которой капает кровь кубинцев.

Так пока обстоит дело по части американо-советской

«защиты свободы». Пытаясь поддержать собственный падающий авторитет, министр схватился за горячую сковородку: привлёк внимание к тому, к чему, с точки зрения американских интересов, лучше было бы внимания не привлекать. Мы абсолютно уверены, что для американцев было бы полезнее, если бы генерал лучше делал свое дело вместо того, чтобы пускать мыльные пузыри примитивной пропаганды, — для этого найдутся другие.

Примерно такую же своеобразную лепту в постижение первого полета человека в космос вложил известный конструктор ракет американский немец Вернер фон Браун. По его мнению, «русские сделали это, чтобы произвести впечатление на африканские государства». И это говорит человек, который сам, как рыба об лёд, бьется над проблемой создания мощной ракеты! Есть поговорка о курице, которая, снеся яйцо, кудахчет так, словно она снесла земной шар, но не было еще поговорки о курице, которая кудахчет до того, как снесла яйцо. Теперь для создания ее Вернер фон Браун поставил вполне убедительный материал. И уверенно стал на духовный уровень типичной журналистской марионетки Гарри Шварца, который писал в «Нью-Йорк таймс»: «Победа Советского Союза в космосе помогает пропаганде. Кремль ведет линию, чтобы обратить людей в свою веру». Вот как все просто и ясно! И нет ответа только на один вопрос: а Америка не собирается производить впечатление на африканцев, не пытается обращать людей в свою веру? А для чего формируется «добровольческий корпус», содержатся радиостанции «Голос Амери-

ки» и «Свободная Европа», выделяются в бюджете специальные многомиллионные средства на пропаганду «американского образа жизни»?

Да, многое в достижениях Советского Союза, в том числе и полет в космос, производит впечатление на людей всего земного шара, помогает познать новое, советское общество, убеждает в преимуществах социализма. На деле, на фактах. А не путем лжи и дезинформации, подтасовки и перетасовки мыслей и фактов, фальшивых посулов и фанерной рекламы, как довольно часто пропагандируется «американский образ жизни». Что же касается непосредственно полета Юрия Гагарина в космос, то это подарок советского народа человечеству, благодарно принятый человечеством, и перед лицом этого события фон Браун и Гарри Шварц со своими сентенциями выглядят лилипутами в присутствии Гулливера.

Так кочуют по сообщениям американских агентств и газет всевозможные ухищрения, имеющие целью во что бы то ни стало умалить, принизить значение первого полета человека в космос, приправить хоть каплей дегтя гигантскую волну радостного возбуждения, прокатившуюся по миру. Некий Уильям Шэннон в «Нью-Йорк пост» вздыхает: «Не победа, а трагедия». С отвагой, с которой бросаются в пропасть, он вещает: «Это достижение... не может дать человечеству ни чувства гордости, ни утешения». Некоторые газеты заявляют, что человека в космос вообще не следовало посылать, — заявляют, хорошо зная, что сами американцы лихорадочно готовились к этому. Агентство

Юнайтед пресс интернейшил передает из Москвы такой перл собственной мудрости: «Запрещенный культ личности вновь создается вокруг астронавта». Некоторые же статьи производят такое впечатление, словно авторы, писавшие их, и редакторы, благословлявшие в печать, беспробудно проспали все четыре десятилетия. Так, «Дейли ньюс» дает сенсационный — по идиотскому существу и не менее идиотской форме — заголовок: «Космический идол развенчан, это потомок царя». В статье сообщается, что Юрий Гагарин — внук расстрелянного большевиками русского князя и отец его тоже князь. И послали-де его в полет потому, что в Советской России не дорожат аристократами — «если он не совершил бы этого полета, то о нем не стали бы жалеть». Прочтешь это и уже не можешь отделаться от мысли, что дедом нынешнего редактора «Дейли ньюс» был тот увековеченный Марком Твенном журналист, который писал, что весной гусаки мечут икру, а его, нынешнего редактора, отец собирал брюкву, залезая на дерево. И что вся «Дейли ньюс» браво и успешно совершает марш по пути «назад, к предкам!»...

Как мы и предсказывали уже, одним из аспектов, в которых американская пресса расценивает полет в космос, является военный аспект. Томас Уайт рассматривает космическую мощь СССР «как, возможно, самую большую угрозу в истории нашей страны». «Нью-Йорк геральд» считает, что США не создали мощных ракет потому, что у них маленькие водородные бомбы, а Советский Союз создал потому, что у него водородные бомбы большие.

К ней присоединяется и «Балтимор сан». Газета «Стар леджер»: «Достижение русских бросает серьезный вызов Соединенным Штатам». Дорис Флисон в «Нью-Йорк пост» заявляет, что полет советского человека в космос для США — «просто национальный скандал». Как и три с половиной года назад, снова появились призывы «подтянуть пояса», «мобилизовать ресурсы» и т. д. и т. п.

Становится похоже, что и теперь некоторые круги в Америке стараются изо всех сил использовать новое космическое достижение не для дела мира, а для раздувания военной истерии. Они, эти круги, мало чему научились, возможно, и не в состоянии научиться, но совершенно очевидно, что их шумная возня, попытки объяснить космический успех СССР «тотальной мобилизацией людей и ресурсов» по крайней мере малопочтенны и для них самих бесполезны. Люди ведь и сами умеют мыслить, и попытки идти наперекор фактам вредны прежде всего для интересов самой Америки: они показывают упадок интеллекта, вырождение этики и морали, неспособность ясно видеть цель, объединяющую усилия нации. Порой даже начинает создаваться впечатление, что некоторые деятели и органы прессы США состоят на идеологическом и интеллектуальном иждивении у чанкайшиста, который заявил 12 апреля в Тайбэе, что советский полет в космос послужит «расширению агрессивных планов русской Коммунистической партии».

Любопытное совпадение, не правда ли?

И, наконец, никак нельзя не отметить забавный «небесный» комментарий к полету советского чело-

века в космос. Ватикан предостерегает: «...Человек может подумать, что именно он — создатель, что все созданное на земле его руками — дело только его ума и рук». Ватикан учит: «...Человек — не создатель, он открывает лишь то, что доступно ему и на что указывает ему господь бог»... Ну что ж, допустим! Но в таком случае мы смиренно попросили бы отцов Ватикана объяснить нам, грешным, один божественный парадокс: почему всевышний, на свою особую преданность которому непрерывно указывает капиталистический мир, не помог ему совершить этот подвиг и почему оказал он эту милость Советскому Союзу и коммунисту Гагарину? Не означает ли это того факта, что господь бог не на стороне капитализма, а на стороне коммунизма, как самого человеческого и прогрессивного строя на земле? Похоже, что так оно и есть. По логике высших поучений Ватикана...

Мир высоко оценил советский космический подвиг. Много хорошего, искреннего, достойного сказано об этом подвиге и в Америке, даже с самых высших трибун. И тем огорчительнее, — прежде всего для самой Америки, — что на поверхности ее общественной и политической жизни плавают столько гнилья и мусора. Мелкая зависть, ложь, очернительство никогда не шли на пользу достоинству, никогда не возвышались в глазах людей великую страну и ее прессу.

А нам это ничуть не мешает идти к новым высотам. Ибо наши пятки в этом историческом движении уже слишком далеки от тех, кто хотел бы их укусить...

ОРБИТА ВЕКА

Реки льются в океан, сохраняя чистоту и набирая силу за счет притоков, или, утрачивая поступательное движение, смыкаются с болотом, плодят малярийного комара и паразитическую ряску, дымят на зорях гнилым туманом и ловят путника в «окна», где под веселым зеленым покровом вонючая прорва. Люди, страны, системы не избегают того же закона по причине его всеобщей связующей сущности для всего живого. В стране без ясной и достойной цели нет движения, без движения нет восхождения, нормального обмена веществ, обновления.

Истина эта, самоочевидная для всех, но не столь легко осуществляемая на практике, становится ныне недоступной даже тем, кому удобнее цвести на топи, кто предпочитал ставить ищущий разум на тормоза американизированного самодовольства, прятался от правды, как моль от солнца, превращал высокие человеческие слова и понятия в зо-

лоченные орехи с горькой трухой внутри. В двадцатом веке, озаренном революциями и атомным пламенем, человечество, как никогда прежде, исследует, сравнивает, думает, ищет. И предмет его исканий отнюдь не отвлеченная свобода в образе прекрасной дамы, — таковую уже малевали все, от американских расистов до французских «ультра», — а реальные ценности, которые дают народу лучшую жизнь, образование, культуру. Человек хочет жить всё лучше, знать все больше — это не только свойство его природы, но и динамическая сила, проторившая дорогу от жалкого логова дикаря в пещере до космодрома. И приз победителя история вручит в конечном счете не тому, кто раньше скопил капитал и вооружился большой дубинкой против инакомыслия, а тому, кто имеет лучшую цель и знает дорогу к ней.

С этой точки зрения проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза является не только замечательно остро современным, но и грандиозного исторического значения документом. Новым шагом не только во всестороннем развитии нашей страны, а и мира. Не только самой высокой, но и единственно разумной с точки зрения интересов человечества орбитой века. И это — без преувеличения, без надбавки на патриотический пафос.

Сколько глаз, даже и враждебных, исследующе и пристрастно прикиннет к ней! Какое неисчислимое количество людей найдет в ней ответ на свои вопросы, порой мучительные, энергию для устремленной деятельности и сколько рулевых капитали-

стического мира испытают перед ней оторопь, чувство усиливающейся беспомощности и потрясения! Что греха таить, немало их, по подсказкам деятелей типа Аллена Даллеса и Дина Ачесона, лелеяли упования на «самоизжитие» социализма, на перерождение его, на крах под давлением внутренних трудностей. Выждем, мол, нажмем — и придет с шапкой на поклон... Что же остается от всего этого теперь?

По правде говоря, очень бы хотелось иметь хоть небольшую машину времени, чтобы заглянуть на двадцать лет вперед, воочию посмотреть — что там, как там? Каков человек, каков мир? Особенно с учетом того, что народ наш с необыкновенной энергией и, да позволительно будет так выразиться, сметкой и хватистостью перевыполняет свои планы. Ведь восьмидесятый год по сумме свершенного, вполне возможно, может оказаться и восемьдесят пятым, и даже девяностым. Но, пожалуй, не менее остро желание и посмотреть, с каким выражением лица будут сегодня читать этот документ — а они, хочешь не хочешь, читать его будут! — президенты, премьеры, канцлеры неких отдаленных и не столь уж отдаленных стран, какая начнется суетня совещаний и согласований, чтобы «локализовать» влияние этого документа, на какие усовершенствованные замки начнет запираť свои двери «свободная пресса». Но иногда правда и ясная конструктивная мысль обладают энергией большей, чем термоядерная, и этот случай как раз из таких. Да вдобавок и ни с чем не сравнимым свойством проникновения. Прохождения идеи не улавливают и

самые совершенные локаторы, против нее не выставишь ни штык пограничника, ни атомную подводную лодку, ни ракету «Атлас».

Величайшая сила этой Программы — в примере, который дает советское общество человечеству. В примере исторического деяния, теоретического осмысления и видения перспектив. При чтении проекта Программы внутри страны у нас и при полном понимании ее значения будут, конечно, возникать и самые архибудничные вопросы: каким образом, например, некоторые брянские колхозы с бедными почвами, чехардой культур и слабыми председателями могут добиться быстро не просто высоких, а исключительно высоких доходов? Или какими средствами морального и административного воздействия воспитать нынешнего тунеядца до высокосознательного гражданина общества восьмидесятых годов? Наши люди умеют мыслить практически, разбирать все дотошно и, понятно, не упустят случая обменяться мнениями и поспорить и по таким вопросам. Это их право и долг, это же притом и надежное оружие против существующих недостатков. Закрывать на них глаза, утаивать — значит копать под себя; вскрывать, мужественно преодолевать — значит действовать в коммунистическом духе.

Но проект Программы — не очередной хозяйственный план страны, а эпохальный документ в борьбе миров, в избрании человечеством лучшего пути, чем тот, полный трагизма, по которому оно шло. Это программа духовной, культурной, научной, экономической победы социализма над капита-

лизмом, ибо в тот день, когда миру в полной яви и грандиозных масштабах откроется высшее процветание и свобода реально построенного коммунистического общества, капитализм может спокойно заказывать себе погребальную карету и авторизованный некролог в «Нью-Йорк таймс». По причине осознания народами его исторической изработанности, его неспособности служить прогрессу.

Что касается плакальщиц, то они тренируются уже и сейчас, предварительно. И плач их на реках вашингтонских и иных как нельзя лучше подтверждает выводы проекта Программы, чем и любопытен. Так, например, французская журналистка С. Лабэн в книге «Без пяти двенадцать» ставит гамлетовский вопрос: «быть или не быть западной цивилизации» перед лицом коммунистического вызова? Поставить для нее этот вопрос легче, чем ответить на него. Во всяком случае, определенно спасти от коммунизма она собирается только Азию и Африку, для чего надлежит на вербовать «десять тысяч... миссионеров», придав каждому из них «джип и бунгало с водопроводом, освещением, радио и пластинками». И сотворится социально-экономическое чудо посредством плясок и радиозаклинаний... Юмор, сатира? Да нет, это она, С. Лабэн, всерьез!

Некий же американский профессор истории Джон Лукач, очередной спаситель американизма, в книге «История холодной войны» пишет, что Россия усилиями коммунистов «была превращена в империю промышленных рабочих и на некогда огромных просторах снежных степей теперь построено и функционирует огромное количество до-

менных печей, которые производят на мир большое впечатление». Сплошные домны в снежной степи — какой могучий художественный образ, какое философское обобщение, не правда ли? Побед в космосе и многого иного Д. Лукач еще не прозрел: как историк он плетется в обозе истории.

Известный американский буржуазный социолог Пол Гудмэн в книге «Абсурдность положения» оплакивает судьбу молодого поколения американцев. Он хотел бы сохранить «человеческие ресурсы, чтобы Россия не обогнала Америку», но считает, что это вряд ли удастся: большая часть американцев пошла в «битничество» и как резерв будущего потерянна для США, но, как считает сам П. Гудмэн, «средний, хорошо приспособленный молодой человек является еще более потерянным для общества как человек, нежели те, кто недоволен». Почему бы? А потому, что, по мнению автора, большую часть американской молодежи объединяет отсутствие патриотизма, нежелание жертвовать собственной выгодой для общества в целом, отсутствие веры в общественные идеалы. П. Гудмэн удивляется, как сие могло проистечь, а удивляться нечему — что посеяно, то и жнет: возвели в государственную философию частное предпринимательство и получили миллионы частных. По сравнению же с этой категорией людей даже обыкновенный лесной муравей — идеал общественника. И, наконец, целый могучий консилиум авторов — Б. Уорд, Т. Уитни, Р. Страус-Хюпе, Ч. Малик — в страхе перед тем, что социализм одержит глобальную победу, выписывают следующий рецепт свое-

му пациенту — Америке: «Самый элементарный здравый смысл подсказывает, что нужны не новые водородные бомбы, не более обширная и более эффективная шпионская сеть, не более строгие законы о внутренней безопасности, а идея или совокупность наших собственных идей, которые бы имели большое значение для нас и для других народов мира...»

Идея! Сейчас, немедленно, в пожарном порядке, по любой цене нужна американизму идея, которая могла бы хоть за счет ложных надежд возбудить общественную энергию, обелить капитализм в глазах народов, прибавить ему кислородного питания. Идеи усиленно, днем с огнем и ночью с фонарем, ищут все, от президента Джона Кеннеди до университетского архивариуса и захудалого журналиста, изводя горы бумаги, заседательского, телевизионного и радиовремени. А что найдено покамест? Старый топор за лавкой: гонка вооружений и милитаристский бум на Уолл-стрите, где владельцы военных монополий загребают сверхприбыли за счет опустошения карманов налогоплательщика, ведь американские финансы — собственность Рокфеллера, Дюпона и уже с ними, а у «команды Кеннеди», возлагающей все надежды на «бронированные бутсы», кроме налогов, источников финансирования почти и нет.

Могут сказать: зачем же при всяком случае нападать на американский народ? Нет, мы не нападаем на американский народ, который в общем не хуже всякого другого, хотя и позволил задурить головы пустыми обольщениями. Мы сочувствуем

Даже многим из тех, кто официально держит в своих руках вожжи американской государственной жизни. Однако их выбирали не на государственные деньги, а на средства, пожертвованные на избирательную кампанию монополиями, отсюда же и все остальное — кто платит, тот заказывает музыку. Можно еще сказать, что американская действительность не так проста и прямолинейна, что в ней многое осложнено, перепутано, взаимосвязано. И это верно, — в конце концов, если ломиться в дебри деталей, то и рабочий не во всем похож на другого рабочего, и миллиардер от миллиардера отличается хваткой и повадкой. Но это не меняет основного. Есть такие увлеченные математикой люди, что и два на два умножают с помощью логарифмов, но ведь получается в итоге неизбежно четыре, а не десять с половиной!

С логарифмами или без логарифмов истина остается истиной. По всей иерархии капиталистического мира на глазах у всех проходит такая нервная судорога опасений за свое будущее, что это уже и не скрывается. Еще не столь давно идеологи капиталистического мира по отношению к своим недугам действовали так же, как некая христианнейшая дама из рассказа Марка Твена при лечении переломов и ушибов. Она убеждала: «Материя не имеет существования; существует только дух: дух не может чувствовать боли, он может ее только вообразить». Сиречь — недуги только плод расстроенного воображения. В досыл же для скептиков пускалась этакая божественная формула, которую можно было читать слева направо, справа налево,

сверху вниз, снизу вверх, и получалось одно и то же — высокопарная заумь. И было всем легко и удобно. Но времена таких врачеваний прошли. Капитализм все более чувствует себя едущим на тигре, которым он не может управлять и с которого не может слезть. И в предвидении неизбежной развязки он учится рыку, но теряет способность продуктивно мыслить.

О каких уж тут идеях речь!

А гонкой вооружений идейную безоружность не заменить.

Между тем проект новой Программы нашей партии, выражаясь метафорически, дает миру социализма силу, неизмеримо большую, чем все капиталовложения Запада в производство кораблей, самолетов, подводных лодок, ракет, термоядерных бомб, шпионаж и пропаганду «американского образа жизни». Ибо никогда еще за последнее время не появлялось в мире такой грандиозной, гуманной, благотворно преобразующей идеи, как та, что изложена в проекте Программы, — с лаконичным и в то же время неотразимым по логике историческим обоснованием, с анализом положения во всех частях света, с научно обоснованным предопределением — не предвидением просто, нет, а именно предопределением! — будущего. Она, эта идея, проверена более чем сорокалетней практикой в вулканических катаклизмах войн и грохоте строек, опирается на незыблемый научный фундамент, заложенный на протяжении столетий лучшими умами мира и завершенный Марксом и Лениным. Она, эта идея, вселяет в наши сердца оптимистическую

веру — мы победим, и у нас впереди прекрасная перспектива; она вооружает знанием и прозрением миллионы и миллионы людей на всем земном шаре, разнося в клочья гнилостный туман буржуазной дезинформации и лжи.

И тут очень важно отметить один ее аспект. Вашингтонские сенаторы и конгрессмены на своих заседаниях бьются, как львы, решая проблему сантиметровых урезаний или приращений так называемой американской помощи слаборазвитым странам Азии, Африки, Латинской Америки. Но разве могут эти жалкие подачки накормить сотни миллионов людей, дать им достойную одежду, жилище, медицинскую помощь, образование, собственные фабрики и заводы? Это все равно, что капля воды на раскаленной сковородке. К тому же и эти подачки превращаются либо в штыки и снаряды, как в Южном Вьетнаме, либо в военные базы, либо разворовываются диктаторами и высокопоставленными казнокрадами. А кроме горсти долларовых бумажек, американские дельцы не могут дать другим народам ничего, потому что сами интеллектуально, идейно бедны, как церковные крысы, и знают только один путь развития — эгоистичную, бесчеловечно слепую стихию конкурентной борьбы, частнопредпринимательства, подслащенную догматами религии и набившей оскомину болтовней о свободе вообще. Научно обоснованный, ясный взгляд на проблемы этих районов мира и перспективы развития дает проект третьей Программы нашей партии, и нет никакого сомнения, что народы воспользуются этим ава-

лизом и выводами в своих интересах, в интересах подлинной свободы и прогресса.

Социализм бескорыстно помогает слаборазвитым странам строить независимую экономику и культуру, но он дает еще и нечто неизмеримо большее — свой опыт, свою интеллектуальную энергию, которую на Западе ни за какие деньги не купишь.

Мы живем в эпоху борьбы миров -- в пору решающего, всеохватывающего и всепроникающего состязания социализма и капитализма в сфере идеологии, экономики, науки и культуры. Все остальное перед лицом этого факта проще и легче. Это состязание идет пока в мирных условиях, — если не считать «холодной войны», — и мы заинтересованы в том, чтобы оно и продолжалось и закончилось в мирных условиях. Но не снята угроза и военного взрыва. Третья Программа Коммунистической партии Советского Союза явится величайшим, ни с чем не сопоставимым по силе орудием, вложенным в руки социализма, свободы, гуманности, прогресса. В руки народов и стран. Человечества.

В этом, на мой взгляд, ее главная суть.

Но проект Программы в то же время является и всеобъемлющим планом жизнотворчества советского народа на двадцатилетие — планом, который выведет нас на высший в истории человечества уровень изобилия и процветания. Для этого нам, всему народу нашему, под руководством партии придется основательно поработать — без перенапряжения, без лишений, без изнурительности пос-

дереволлюционного восстановления и первых пяти-
леток, в условиях сокращенного дня и все умно-
жающихся льгот, но и, как говорится, без ловли
ворон ртом. Поработать весело, самозабвенно, го-
рячо! Творчески и дерзновенно! И это замечатель-
ная, гордая, почетная в человечестве работа. Мы
первые шли неизведанными путями, прокладывая
дорогу в мир социализма, и нам первым предстоит,
прокладывая путь по целине и накапливая опыт
для других, войти в никому въяве еще неведомый,
никем доселе невиданный мир коммунизма.

Нам — первым!

Войдем?

Конечно!

КОСМОС, ЧЕЛОВЕК, МИР

Он летел без неба над головой. То, что мы называем небом — течение и свечение облаков, синее и зеленое мерцание воздуха, — оставалось под ним. А над ним была только фиолетового оттенка чернота с непривычно выпуклыми звездами и косматым солнцем — не низ, не верх, не даль, а бездна выси, бездна низа, бездна дали. Бесконечность пространств и миров. Семнадцать с лишним витков вокруг планеты, семнадцать раз за одни сутки видел он восходы и закаты на Земле. Он отдыхал восемь часов, по оптимальной земной норме, а за это время для него промелькнуло несколько ночей и дней. Это было как раз то, что привыкший к земным масштабам разум, вооруженные лишь земной мерой чувства воспринимают со скепсисом не только в фантастических романах, но и в доказательных статьях ученых. И все же это была такая же реальность, как то, что Герман Титов советский человек и наш современник.

Мы знаем великую, полную драм и трагедий, — как писал один поэт, «с гробами в небе», — битву человека, рожденного бескрылым, за отращивание собственных крыльев. Он и отрастил их, но как долог был этот процесс и какую цену пришлось за него уплатить! Однако под крыльями был воздух, привычная сравнительно среда, опора. Битва за полет без крыльев вне воздушной среды, в безднах Вселенной короче, но яростнее, накаленнее, напряженнее. Она требовала не только технической сметки и смелости одиночек, а неизмеримо большего — просвещенности, высокоинтеллектуального развития всего народа, научного и технического гения целых коллективов, фантастических возможностей промышленности, высшего личного мужества. В ракете работает сила тяги, равная по мощности величайшим электростанциям земного шара, — только советскому гению удалось ее сконцентрировать в таком небольшом объеме. Метеоры сгорают, входя в атмосферу, а наши ракеты в озарении пламени и со шлейфами искр невидимыми возвращаются на Землю — это сделано впервые на земле советским гением. В корабле-спутнике работает электроника, выполняющая функции математика, астронавта и врача одновременно, электроника, чем-то схожая с высоко развитым мозгом, — это сделали наши современники, с которыми мы запросто встречаемся на улице, в метро и в театре. Наконец, при полете в воздухе, как бы ни был он опасен, человек психологически все еще связан с Землей, все еще чувствует ее привязь и опору. Человек в космосе отделяется от

Земли, летит вместе со своим кораблем по законам небесной механики. Он сбрасывает с себя самую постоянную для нас со дня рождения силу — силу земного притяжения — и живет в условиях невесомости. Только радиоволны связывают его с Землей. Великое одиночество, которое неизбежно приходит к нему, — о страшной, деморализующей силе этого одиночества почти единодушно пишут американские фантасты, — может быть морально преодолено только воспитанным с детства чувством связи с коллективом, со своим народом.

Первый шаг в эту неведомую дотоле сферу сделал Юрий Гагарин — он обогнул Землю по океану космоса. Второй шаг сделал его товарищ Герман Титов — гигантский шаг, по длине равный расстоянию до Луны и обратно. Он уже не просто проплыл по космическому океану, а жил в нем — работал, ел, спал, может быть, видел сны. Спал, пролетая над Азией и Африкой, Европой и Америкой. Работал, пролетая над океанами и материками. За секунду до запуска ракеты Юрий Гагарин сказал весело и непринужденно, как говорят ребята, начиная спуск на санках с горы: «Ну, поехали!» Одолев немыслимое расстояние в четверть миллиона километров, Герман Титов пожелал москвичам спокойной ночи и, вероятно, улыбаясь, прибавил: «Я сейчас ложусь спать. Как хотите вы, а я ложусь спать».

Для того чтобы улыбаться и с ребяческой непосредственностью шутить в такие минуты, мало личного мужества. Необходимо, чтобы пламя такого мужества и решительности горело в самом на-

роде, необходимы тысячи и миллионы больших и малых побед народа. Это революционное пламя, зажженное в нашем народе коммунистами, горит, и притом все ярче; эти миллионы побед, на которых покоится моральный и психологический фундамент мужества и веры, одержаны. И потому в удивляющем весь мир оптимизме Юрия Гагарина и Германа Титова, в этой чудесной непосредственности и раскованности мышления при самых грозных испытаниях проявляются не только индивидуальные характеры, — они, между прочим, отнюдь не стопроцентно схожи, эти характеры Гагарина и Титова, — а великолепные качества советского молодого человека вообще, жизнелюбие и оптимизм миллионов их сверстников.

В космос, на его длинную и широкую дорогу с уверенностью и безаварийностью, какой не знала история борьбы человека за крылья, вышла не просто страна, а социалистическая страна и социалистическая система, не просто человек, а человек социалистического мира. Он, этот человек, не болел недугами частного предпринимательства и приобретательства, себялюбия и индивидуализма, его великолепнейшее духовное здоровье выпестовано в условиях коллективизма, любви человека к человеку. И когда он шутит перед прыжком в бездну, и когда он желает своим землякам спокойной ночи и сам ложится спать в соседстве со звездами, в этом выражается победа коммунистического мышления и воспитания не меньшая, чем сам полет в космос.

А мир? Что думает он?

Современный мир един лишь постольку, поскольку он размещается на одной планете. Во всем остальном есть два мира, находящихся в идейном и идеологическом борении, которое определяет динамику всех событий и характер всех комментариев. Мы без иллюзий верим в сосуществование, как в альтернативу чудовищным бедствиям термоядерной войны, но было бы иллюзией допустить сращение коммунизма и капитализма в нечто среднее. Это было бы уродливое дитя на хилых ногах. Две идеологии — это две дороги, одна из которых старая и трагическая, больше никуда не ведет, а другая, новая, открывает на земле жизнь подлинно свободную, изобильную, разумную. Гигантский прорыв в космос майора Германа Титова на корабле «Восток-2» треть человечества на новой, социалистической дороге воспринимает как закономерное свое торжество и подтверждение правоты своего пути. Миллионы людей на старой дороге, поднимая глаза к звездам, где летел легендарный «кремлевский корабль», размышляли, сравнивали и «левели» — не потому, что они в этот миг уже сразу и все до конца поняли, а потому, что, будучи разумными существами, они честно ищут наилучшего пути для себя и своих сограждан. Полет Германа Титова — это еще один солидный довод на чашу весов, склоняющихся в пользу коммунизма. К тому же в их — да чего уж греха таить, не только в их, а и в нашем, и даже врагов наших — сознании блестяще, даже с какой-то артистической точностью завершенная про-

грамма полета ассоциируется с коммунистической Программой на двадцатилетие и ее завершением. Скажем прямо, никто не гарантирован от каких-то случайностей в будущих космических полетах, но уже ни у кого нет сомнения, что они будут преодолимыми частностями, что человек никогда уже не станет на четвереньки и не уползет в пещеру, а будет летать все дальше к звездам. Никто не гарантирован, что в выполнении Программы КПСС, проект которой сейчас обсуждается, не будет досадных неполадок и временных трудностей. Они были, они будут — не те же, а новые. Таков закон развития. Но даже «специалисты по русским делам» в Нью-Йорке и Бонне, изливая на страницы газет казенный скепсис, точно знают, что они лгут, что они обманывают без надежды обмануть. Мы дожили до замечательной, таящей в себе громадные благотворные перемены поры, когда лозунги антикоммунизма становятся темой сатириков всего мира, когда неверие в силы и возможности Советского Союза становится признаком невежества и глупости даже в буржуазном обществе!

Флагманский корабль капитализма — Америка давно плывет под идеологически изодранными парусами системы «частного предпринимательства». Он, этот флагман, отдан на волю волн, так как его паруса не захватывает ветер двадцатого века. И напрасно его капитаны до боли в глазах смотрят в подзорные трубы, — они не видят берега, который мог бы стать достойной целью плавания для страны и народа; напрасно потеют рулевые у штурвалов, — судно, у которого нет энергии дви-

жения, неуправляемо. До самых последних лет они хвастались своей промышленностью и техническим превосходством. Спутники и лунники с «кремлевской маркой» положили на это превосходство не одну жирную красную черту, а полет Германа Титова на корабле «Восток-2» перечеркнул его еще раз от края до края. В Уругвае происходит совещание латиноамериканских стран по программе «Союз для прогресса», разработанной «командой Кеннеди». Многие латиноамериканские обозреватели, понимая, в чьи ворота должны лететь мячи, называют его «Союзом против прогресса». А когда под приэкваториальными звездами прошел корабль «Восток-2», у многих присутствующих на конгрессе, как сообщают телеграфные агентства, возник здоровый скепсис, который может быть выражен так: «С чего бы это Америке и президенту Кеннеди рядиться под лидеров прогресса, если они сами не могут догнать Советский Союз и плетутся в хвосте?»

Здравый вопрос. Опасный для капиталистической Америки вопрос.

Сказать, что человечество имело когда-нибудь время для ничегонеделания и безмятежного созерцания, — значит поставить факты с ног на голову. Жизнь есть движение, а где движение, там не может быть ни застоя, ни покоя. Но с весны этого года нервы мира находятся под особой нагрузкой, как провода высокого напряжения. И основной вклад в эту предельную нагрузку делает американская политика. Тут нет необходимости заниматься ее подробным анализом, но кое о

чем нельзя не сказать. Полет Юрия Гагарина, и отнюдь не по нашим патриотическим оценкам, а по выводам мировой прессы, дал человечеству гордое сознание того, что оно перешло в новую эру своего бытия — в космическую эру. А через несколько дней по нервам человечества ударила весть о нападении на Кубу. Это нападение организовали и благословили из Белого дома, а осуществили его политические подонки, которые, подобно свинье, по своей природе не могут поднять голову к звездам от корыта с месивом. Потом, наспех смазав патентованными средствами дезинформации ожоги самолюбия, руководители Америки организовали два запуска высотных ракет, один из которых чуть не стал трагедией под занавес. Мы приветствовали это достижение американских ученых и техников, — это ведь тоже достижение, — и самообладание Шепарда и Гриссома. Но, отдавая эту дань, весь мир понимал, что по сравнению с полетом Гагарина вокруг земного шара это всего лишь подпрыгивание на небольшом куске планеты, весьма далекое от совершенства, явленного советской космонавтикой. И все же это куда лучше и достойнее, чем связываться с политическим отребьем для авантюры по мотивам экономического корыстолюбия.

Но мы уже сказали, что американский флагман капитализма неуправляемо носится по волнам. Из неизбежности послевоенного урегулирования германской проблемы «команда Кеннеди» сотворила проблему «западноберлинского кризиса». И ударили барабаны войны. Военный бюджет Америки

подскочил выше ракет Шепарда и Гриссома. Снова погнались в строй старые корабли и самолеты. По радио, телевидению, газетам пронесся вопль: «Больше оружия, атомных и термоядерных бомб!» Заплакали жены, дети, родственники более чем двухсот тысяч резервистов, которые должны быть призваны на службу в армию. Объявлено о приспособлении зданий под противоядерные убежища — наивная программа укрытия капустным листом от термоядерной бомбы. И все это — под предлогом защиты «свободы» и американского «авторитета».

А что означает на самом деле этот политический рок-н-ролл?

Президент Кеннеди, оправдывая поспешное обнажение томагавков и выход на тропинку войны, в одной речи чуть не двадцать раз произнес слово «свобода», которую Америка якобы исторически призвана защищать. Но ведь это слово в устах американцев давно приобрело значение, мягко говоря, ему несвойственное и даже скандальное. Попытка и все еще лелеемые планы удушения Кубы — это защита свободы? Лобызания с диктатурой Франко — это дань свободе? Роман с Португалией, у которой руки в крови африканских народов, — это серенада свободе в бронированной беседке НАТО? Признание Чан Кай-ши, марионетки на острове, «лидером Китая» и недопущение в ООН, международную «организацию справедливости», народного Китая с шестисотмиллионным населением — это уважение к свободе народов? Упрямство в тюрьму американских борцов против

расизма, участников «Рейсов свободы», — это образец свободы?

Да полно врать-то! По своей глубокой сути американские разглагольствования о свободе — это обшарпанный от долгого употребления образец политической демагогии. На деле все проще. Противоестественный брак Вашингтон — Бонн состоялся задолго до «берлинского кризиса», и о «защите свободы» брачующиеся думали не больше, чем костариканские крокодилы о благополучии подмосковных горлинок. Это брак по реваншистскому расчету: Вашингтон, восприняв политические утопии Джона Ф. Даллеса, от которых и сам покойник отрекся на пороге небытия, мечтает «оттеснить» коммунизм, а Бонн, все более оседывая волю партнера, одержим не менее утопической идеей вернуть гитлеровское наследство. Что ищут для себя в этой затее Англия, Франция и иже с ними, разумному объяснению не поддается — их роль обслуживать, обслуживать и... проигрывать.

Ну, а есть ли положительные идеи, положительные для мира цели американского устремления? Таковых не обнаруживается. Внешне Вашингтон и Бонн декларируют для мира некий «статус-кво», положение лошади на кругу, белки в колесе. А по существу? По существу — «мировое руководство» Америки, американский диктат. Но кто пойдет за такими пророками? Разве те, кому уже нечего терять в этом мире...

Еще любопытнее обстоит дело с «авторитетом». Скажем «команде Кеннеди» вполне доброжелательно, но не вдаваясь в подробности: отставание

США в космосе, в науке, в самых современных проявлениях техники, в просвещении, в культуре подрывает «авторитет» США куда безоговорочнее и быстрее, чем любые разумные международные переговоры и соглашения, в том числе по Западному Берлину. Если не верят — пусть подсчитают плоды «политики с позиций силы», когда эта сила у них еще была. И прикинут, хотя бы с помощью электронной машины, урожай, который даст им «позиция силы», когда этой силы в наличии-то уже и нет. Когда пишутся эти строки, сообщается, что президент Кеннеди разделяет пожелание Стивенсона Герману Титову благополучного возвращения из космоса и соглашается с надеждой, что достижения подобного рода пойдут на пользу переговорам по важным проблемам. Если это искренне, то это умно и полезно, то это можно приветствовать. А бряцание оружием нашей воли не ломит. Не те мы люди. Пусть вдумаются и вчитаются в текст выступления Н. С. Хрущева — это наш голос, голос всей страны. Не скроем, мы опечалены и встревожены таким ходом событий, но притом мы и твердо уверены, что американское бряцание оружием может иметь только один исторический результат — завести бряцающих туда, куда, как говорится, и Маккар телят не гонял.

Так в полете корабля-спутника «Восток-2» сливаются проблемы космоса, человека и мира.

И мы недаром в радостном возбуждении и ожидании финиша забывались тревожным сном при включенных приемниках, когда Герман Титов спо-

койно спал в кабине корабля, выполняя задание,— его полет уже есть выполнение части Программы Коммунистической партии Советского Союза в пору, когда она еще является проектом.

Но проект станет Программой.

А Программа будет выполнена, хотя для этого потребуются всенародные усилия и время.

Мы ведь живем и работаем в превосходном, оптимистическом мире, для которого широко открыта дорога и в космос, и в коммунизм!

СОДЕРЖАНИЕ

Пророки и пророчества .	3
Революция продолжается!	9
Небо и политика	18
Победа и мир .	26
Здравствуй, весна!	34
Красная площадь	43
Небо и земля . . .	46
Коммунист в космосе	51
Вселенная с овчинку	59
Орбита века . . .	70
Космос, человек, мир	82

*Грибачев
Николай Матвеевич*

ОРБИТА ВЕКА

М., «Советский писатель», 1961. 96 стр.

Редактор *И. Н. Жданов*
Художник *Е. Н. Голяховский*
Худож. редактор *В. И. Морозов*
Техн. редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Л. И. Жиронкина*

Сдано в набор 5/X 1961 г. Подписано
к печати 13/X 1961 г. А08750 Бумага
70×90¹/₃₂. Печ. л. 3 (3,51). Уч.-изд.
л. 3,29. Тираж 10 000 экз. Заказ № 1369.
Цена 10 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10
Тип. Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников издательство просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу:

*Москва К-9, Б. Гнезниковский пер., 10,
издательство «Советский писатель».*

✓
10 K.

190-